

РОСТЕР

5 МАЙ 1975

Победа!

от Москвы
до Берлина!

Курск

Мы из

Лени

Мин

ские

да!

Одесса

Брест

„... Советский народ с честью выдержал суровое испытание войны. Враг был разбит, повержен. Наш замечательный народ, народ-герой, народ-богатырь высоко поднял над планетой и победно пронес сивозь огонь военных лет овеянное славой ленинское знамя, знамя Великого Октября, знамя социализма“.

Генеральный секретарь ЦК КПСС
Л. И. Брежнев

Рисунок
В. Топкова

9 мая 1975 года — тридцатилетие Победы советского народа над фашистской Германией.

Весь мир празднует с нами этот день. Ты идешь сегодня с красным флагом — веселый и сильный — свободный гражданин свободной страны.

Помни! Тридцать лет назад Советская Армия победила гитлеровскую, советский народ раздавил фашизм!

КОСТЕР

5

МАЙ

1975

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© „Костер“, 1975 г.

В этом номере ты встречаешься с воинами Советской Армии — ветеранами Великой Отечественной войны, и теми, кто ковал победу в тылу.

Каждый из них расскажет о Дне Победы — 9 Мая 1945 года...

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
издательская

**Иван
Сергеевич
Александров,**
в годы войны
шофер
инженерного
батальона
аэродромной
службы

В Берлин наш гвардейский батальон вступил одним из первых, и работы у нас, шоферов, в те дни было выше головы. Намаешься за день, рук от баранки не поднять. И в ночь

с восьмого на девятое мая спал прямо в кабине. Сквозь сон слышу: стучит кто-то в дверцу. Открываю глаза — дежурный по части. «Александров, — кричит, — выходи на построение!»

Выстроились мы все тут же, у машин. Ребята переговариваются: «Опять, наверное, срочное задание».

Выходит перед строем капитан Сорокин и каким-то не сво-

им голосом говорит: «Дорогие солдаты, дорогие офицеры! Фашисты сложили оружие. От имени командования поздравляю вас с Победой!»

Кто обниматься стал, кто плачет, кто смеется. Короче, никто из нас больше в ту ночь не спал.

Утром майор Малиютин собрал желающих посмотреть рейхстаг. Приехали туда, а там народу видимо-невидимо. Наши вместе с майором прошли в само здание, а мы, шоферы, как и положено, у машин остались.

Тут подходит ко мне Павлушка Ястребков и говорит: «Смотри, все стены фамилиями исписаны. Давай и мы отметимся». Я говорю: «Давай!» Взял зубило и молоток, стучу, на Павлушку поглядываю. А тот забрался кому-то на спину и чуть не на уровне второго этажа расписывается.

Решил всю фамилию не выбивать.

Выбил только: «И. Ал-дров». Фамилия у меня длинная, а места пустого на стенах рейхстага было мало.

**Павел
Иванович
Батов,**
дважды
Герой Советского
Союза,
генерал армии,
Председатель
Советского
Комитета
ветеранов
войны

День 9 мая 1945 года застал 65-ю армию Второго Белорусского фронта, которой я командовал тогда, в немецком местечке Барт. К тому времени мы прошли с боями 3525 километров. Как пошли от Волги-матушки на запад, так остановились только на Одере.

Устье Одера — последняя ставка фашистов. Сильно укрепили они этот рубеж. И не рассчитывали, что мы его возь-

мем. Четыре километра — ширина реки у впадения в Балтику. «Два Днепра, посередине Припять», — говорили наши бойцы.

Сражение было очень тяжелым. Восемнадцать бойцов получили за него звание Героя Советского Союза.

Бойцы устали, и 9 мая, когда по всей армии разнеслась весть о Победе, не все сразу поверили в нее.

Мы быстро организовали митинги в разных соединениях. Все приоделись, почистились. Я надел все боевые награды, вышел к бойцам и сказал речь. Конечно, сейчас я не помню ее дословно. Но главное я сказал: пришла наша долгожданная победа, и добывали мы ее все вместе — и солдаты, и генералы...

Фото военных лет

МОНУМЕНТ ПОБЕДЫ

В ЧЕСТЬ ГЕРОИЧЕСКИХ
ЗАЩИТНИКОВ ЛЕНИНГРАДА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

Фрагмент
памятника

„Скорее смерть пугается нас, чем мы смерти...“ — так написали рабочие Кировского завода в обращении к защитникам Ленинграда.

За героизм и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками у стен Ленинграда, звания Героя Советского Союза были удостоены 226 человек, орденами и медалями награждены 350 000 человек, медалью «За оборону Ленинграда» — 930 000 человек.

*Все ленинградцы защищали город.
Все ленинградцы Памятник героям —
Отцам и братьям, матерям и сестрам —
Задумали поставить на земле.*

Как это было? В течение нескольких лет в фонд строительства поступали денежные переводы. Их присылали не только ленинградцы.

Строительство началось в 1974 году. В нем принимали участие жители и гости города. Тысячи добровольцев стали создателями Памятника.

Вот несколько строк из летописи «Строительство Памятника героическим защитникам Ленинграда».

«Не мог не прийти на строительство Памятника. Работал в бригаде монтажников». Бывший солдат, участник обороны Ленинграда Масленников Е. И.

«Каждый здесь работал за себя и за „того парня“». Комсомольцы Крюков С. И., Широков, Муравьев А. В.

*Торжественен и строг мемориал
На ленинградской площади Победы.*

Авторы проекта: народный художник СССР М. К. Аннушин, народные архитекторы СССР С. Б. Сперанский и В. А. Каменский.

БОЕВОЙ ЭФФЕКТ

Марк Галлай

Рисунок А. Януса

Прошло без малого два часа с той минуты, когда двухмоторный пикирующий бомбардировщик лейтенанта Ржевского разбежался по блестящему снежному покрову нашего полевого аэродрома, оторвался от земли и плавным разворотом ушел на запад.

Время пора бы ему уже возвращаться!

Звено, взлетевшее после него, успело слетать к линии фронта, отбомбиться по позициям противника и вернуться домой. А Ржевского все не было.

Впрочем, удивляться этому не приходилось: в тот день экипаж Ржевского получил особое задание: разведать проходящие западнее Витебска железнодорожные и шоссе, по которым могли перебрасываться войска и боевая техника противника в сторону нашего Калининского фронта.

Город Витебск! Сегодня это — один из многих областных центров нашей страны, город как город. Но в ту первую военную зиму, когда бои шли под самой Москвой, когда фашистские войска осаждали Ленинград, — тогда до Витебска надо было добираться за сотни километров оккупированной врагом территории. И на каждом из этих километров могла ждать притаившаяся зенитка или патрулирующий истребитель противника. Да, непростое задание досталось Ржевскому — мы все это отлично понимали.

...Но вот, наконец, в воздухе возник шум моторов — сначала далекий и тонкий, как комариное жужжание, потом все более густой и мощный, через минуту над окружавшими аэродром елями появился силуэт самолета, еще несколько секунд — и пикировщик катился по снегу.

— Что это вы так замешкались? — спросил у экипажа начальник штаба полка.

— Много всякой всячины нашли, — ответил штурман и добавил, ткнув пальцем размеченную множеством значков карту в своем планшете:

— Вот оно все тут... А мы бы еще дольше пролетали, да немного на обратном пути маршрут срезали...

Тут штурман уловил грозный взгляд своего командира экипажа и под действием означенного взгляда немедленно, на полуслове закрыл рот.

Столь таинственное умолчание разогрело

любопытство окружающих. К тому же и весь прилетевший экипаж показался нам чуть больше возбужденным, чем полагалось бы после нормального боевого вылета, пусть даже немного более сложного, чем обычно.

Не без труда удалось вытянуть из наших друзей, что они, выполнив разведку и убедившись, что бензина в баках на обратный путь хоть и хватает, но нельзя сказать, чтобы с особым запасом, — решили спрямить дорогу домой и прошли... прямо через Витебск. Прошли средь бела дня, на высоте всего в двести метров. «Чтоб народ красные звезды увидел», как уточнил стрелок-радист.

Все мы понимали, что спрямление маршрута было не единственным и, наверное, не главным поводом, толкнувшим экипаж Ржевского на их неожиданное и смелое решение.

Ребята знали этот город — до войны полк стоял поблизости от него. Знали многих его жителей — Ржевский говорил потом, что ему казалось, будто, пролетая над знакомыми улицами, он приветствует лично знакомых ему людей. Приветствует и ободряет. Как бы напоминает: «Мы вернемся!»

Полет Ржевского обсуждался активно и бурно.

— Никакого боевого эффекта в таком цирковом номере нет, — сердито сказал один из офицеров полка.

— Есть! — ответило скептику сразу несколько голосов.

И, я думаю, владельцы этих голосов были правы. В самом деле: представьте себе, что должны были почувствовать жители Витебска, уже много месяцев томящиеся под гнетом вражеской оккупации, боящиеся верить слухам, распространяемым фашистами, о том, что Красная Армия разгромила Москва, взята и гитлеровский «новый порядок» утверждён навеки, — что они должны были почувствовать, увидев у себя над головами, средь бела дня, боевой советский самолет, спокойно летящий вдоль главной улицы города и будто бы не замечающий лихорадочного огня, который гитлеровские зенитчики с опозданием (конечно же, с опозданием: решение наших летчиков было неожиданным прежде всего для противника) открывали ему вдогонку.

Когда два с лишним года спустя Витебск был освобожден, оказалось, что уцелевшие его жители помнят этот полет! Полет, который

с предельной наглядностью показал им — Красная Армия живет, воюет, борется и скоро повернет ход войны в нашу пользу!

...Почему этот эпизод так запомнился мне? Ну, прежде всего, потому, что сам по себе был достаточно незауряден. А еще, наверное, потому, что наводит на размышления о том, как

в едва ли не каждом деле, кроме эффекта внешнего, существует эффект внутренний, глубинный. И всегда, если хочешь по-настоящему понимать жизнь, которой живешь, стоит до этого глубинного эффекта докопаться.

Особенно на войне.

Впрочем, — почему только на войне?

Ефросинья Федоровна Агапова,
в годы войны вагоновозкатыя в Ленинграде, кавалер ордена Ленина

В этот день работала я в утреннюю смену. День был теплый по-весеннему. Не доехала еще и до Марсова поля, трамваи стали останавли-

Фото военных лет

ваться — и на Кировском проспекте, и на Кировском мосту... Народу на улицах все больше и больше. И тут кто-то крикнул: «Война кончилась! Конiec войны!» Когда мы подъезжали к Невскому, на улицах уже толпы народа, танцуют, поют, обнимаются... Вот отчего трамваи останавливались! Вместе с пассажирами я выбежала на мостовую, закружилась, запела. А когда повела свою «трой-

ку» [я проработала всю свою жизнь на маршруте № 3], то уж так звенел мой трамвай, что громкоговорители пересиливал. Громко звенел и радостно!

А вечером мне вспомнилось блокадное время — зима сорок первого, когда трамваи и троллейбусы остановились и надолго вмерзли в снег. Мертвые трамваи. Город в сугробах. Тишина, ни одного привычного трамвайного звонка. Кировский мост — как труден был он! Ведь и километра нет в длину, а из сил выбьешься, пока перейдешь.

В трамвайный парк Блохина ходили мы и тогда, когда трамваи стали. Готовились к тому времени, когда все-таки сможем пустить трамвай. И пустили! В апреле сорок второго мне поручили вывести из парка первый вагон.

А еще мне вспомнился сентябрь 41-го. Как рвался тогда враг к Ленинграду, а я на своей «тройке» везла солдат на передовую, где теперь сооружен памятник защитникам нашего города... Обратно ехала — осколки так и сыпались на крышу вагона.

Павел Иванович Свиштула,
Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР, заведующий овцеводческой фермой колхоза „Красный Октябрь“ Ставропольского края

Мне было девятнадцать лет, когда вместе с товарищами принял я первый бой на берегу Дона. Случилось это в 1942 году. До победы было еще далеко. Трудный был бой, но мы не дрогнули и выполнили приказ — отстояли плацдарм. С него начали победное наступление на запад.

Много было потом еще жарких боев и трудных солдатских дорог. Мне довелось участвовать и в исторической битве на Курской дуге, и гнать захватчиков с Украины. У ее западных границ закончилась моя воинская служба — тяжелое ранение, и... врачи отправили меня домой...

А 9 мая 1945 года я встречал так. Солнечный день был, славный, косили мы, несколько демобилизованных после ранения — заготавливали корма. Приходит к нам в поле почтальон, передает фронтовое письмо-треугольник от друзей-однополчан. Там такие слова:

«Привет, Павел. Мы пошли на Берлин!» И вдруг слышу — в селе — музыка, шум, песни. Бегут ребята, кричат: «Победа! Победа!» Я даже не спра-

зу сообразил, как же так быстро, думаю, взяли наши фашистское логово! Потом понял: фронтовое письмо ведь шло к нам на Ставрополье много дней. Победа обогнала солдатскую весточку!

ТАМ, ЗА ПОВОРОТОМ ...

ПОВЕСТЬ

В. Мусаханов

Рисунки А. Слепкова

Если идти по улице Пестеля к Литейному, то увидишь высокую церковь с белоколонным портиком. Она стоит в небольшом сквере; в кронах старых деревьев издавна гнездятся вороны. Сквер окружен оградой, сделанной из стволов старинных пушек. Перед сквером — небольшая булыжная площадь. И вот летом сорок третьего года на площади появились солдаты. Они сняли булыжник ломами и за несколько дней выкопали посередине небольшой квадратный пруд. Дно и стенки пруда обмазали зеленой глиной, чтобы не уходила вода, а потом начали наполнять эту огромную ванну. Три дня наполнялся пруд, и все мальчишки с окрестных улиц успели побывать возле церкви, окруженной старинными пушечными стволами. И не было конца самым фантастическим предположениям о назначении этого пруда. Дальновиднее всех оказался мой друг Кирка. Он сказал:

— Можно будет купаться.

И правда, через неделю, как только немного согрелась под солнцем вода, мы уже купались, пачкая подошвы липкой зеленой глиной. А назначение пруда выяснилось неожиданно и просто. В церковный сквер приехал грузовичок, в кузове которого стояла лебедка с большой катушкой тонкого стального троса. Девушки, бойцы частей противовоздушной обороны, принесли несколько длинных колбас-газгольдеров из зеленой прорезиненной ткани. Газгольдеры, хоть и были величиной с цистерну, легко плыли в воздухе, а девушки только придерживали их за веревки, чтобы они не

улетели. Из этих колбас наполнили серебристый азростат.

Из большого мешка вынули тую какой-то белесой ткани. Ее долго разворачивали, привязывали идущие от нее веревки к специально вкопанным столбикам. Потом подсоединили трубки от газгольдеров, и на наших глазах бесформенная белесая материя стала наполняться и приобретать обтекаемую, ласкающую глаз форму азростата. Азростат покрыли маскировочной сеткой с нашитыми зелеными трапечками, которые изображали листья. Кругом на столбиках развесили таблички с надписью: «Курить строго воспрещается». Вот тогда мы с Киркой поняли, для чего выкопан пруд. Ведь азростат наполняется водородом, который легко воспламеняется.

Девушки дежурили у азростата, чтобы по первому сигналу воздушной тревоги эта серебристая торпеда поднялась в небо. Мы с Киркой уже знали, что азростат затрудняет маневры фашистских бомбардировщиков.

Когда небо над городом покрывается круглыми облачками разрывов зенитных снарядов, самолеты стараются увернуться от взрывов и осколков, ищут непростреливаемый квадрат. Для этого они делают резкие повороты, меняют высоту. И вот тут их подстерегают азростаты на своих стальных тросах. Азростаты образуют такую сеть, в которой может запутаться «юнкерс». А если он зацепит крылом трос азростата, то крыло обломится и самолет упадет. Во время воздушных налетов много азростатов висело над городом. Девушки из расче-

та следили за оболочкой. После каждого подъема проверяли, не пробита ли она осколками и пулями. Но самым главным в расчете мы считали Федю, шофера грузовичка, в кузове которого стояла лебедка с аэростатным тросом. По сигналу тревоги Федя, сдвинув пилотку на левую бровь, прыгал в кабину и заводил мотор. Девушки быстро снимали зеленую маскировочную сетку, отвязывали от столбиков удерживающие веревки и, то натягивая, то отпуская их, управляли аэростатом, чтобы он не зацепился за ветки деревьев, потом отпускали веревки, и Федя прибавлял обороты двигателя, быстрее разматывая трос с барабана лебедки. Потом девушки загоняли нас в небольшую траншею, выкопанную тут же в сквере, и прыгали туда сами. Огнестрельно и звонко начинали лаять скорострельные зенитки, и осколки барабанили по крышам окрестных домов.

Мы чувствовали себя надежно укрытыми в узкой траншее рядом с девушками в защитных пилотках и гимнастерках. А шофер Федя на открытом, даже не защищенном деревьями месте сидел в маленьком грузовичке, наполовину высунувшись из кабины, смотрел в небо и все разматывал бесконечный стальной трос аэростата. И свернутая из газеты махорочная сигарка потухала в уголке его рта. Небо пестрело заплатами разрывов, проблесками траассирующих пуль, и грохот стоял вокруг. А маленький грузовичок казался одиноким и беззащитным.

Но вот по радио раздавались мелодичные звуки отбоя воздушной тревоги. Аэростат быстро спускался, девушки закрепляли его и укрывали маскировочной сеткой. Федя выходил из машины, делал несколько приседаний, разминал ноги.

— Зачехлить лебедку! — командовал он с улыбкой. И мы с Киркой прыгали в кузов грузовичка, разворачивали зеленый брезентовый чехол и натягивали его на барабан лебедки.

Федя был очень молод, и хватки у него еще остались мальчишеские. Он с удовольствием купался с нами в холодном пруду на площади, играл в шахматы, шумно радовался, когда выигрывал, и огорчался проигрышам; правда, проигрывал он только Кирке, а меня всегда побеждал.

Мы с Киркой настолько привыкли к Феде и девушкам, что и сами чувствовали себя бойцами этого аэростатного расчета. Вместе с Федей мы до блеска натирали мягкую ветошью капот и передние крылья грузовичка, набивали тавотом масленки на подшипниках лебедочного барабана, брезентовыми ведрами таскали воду из пруда.

А когда на зеленой подводе, запряженной понурой мохноногой лошадкой, привозили в больших прямоугольных термосах суп и кашу для всего расчета, нас тоже сажали обедать. Было очень неловко входить под брезентовый навес, где стоял грубо сколоченный стол. Мы с Киркой знали время обеда и всегда старались улизнуть заранее, потому что в Ленин-

граде солдатский паек в те времена был ничуть не больше пайка рабочего, и обедать Федю и девушек мы не хотели. Иногда воздушные тревоги длились целыми ночами, и весь расчет не спал. Утром Федя выглядел осунувшимся и усталым. Мы понимали, что полуголодным не спать всю ночь очень трудно. Мы ведь и сами жили впроголодь — нет, голода уже не было, потому что блокаду прорвали и в городе стало больше еды. И все-таки мы старались незаметно исчезнуть, когда приближался обеденный час.

И вот однажды, когда мы появились после обеда, Федя сказал:

— Будете убежать, больше не подпущу к машине.

— Мы домой есть ходили, — соврал Кирка.

— Понятно, — сказал Федя, пристально глядя на нас.

Мы молча опустили головы. А он добавил негромко:

— Больше так не делайте.

С того дня мы с Киркой почти все лето обедали с девушками и Федей. Нам наливали на двоих полный солдатский котелок перлового супа с американской консервированной колбасой, на второе давали пшеничную кашу, заправленную комбижиром. Еда была сытной, вкусной, и после нее даже клонило в сон.

В то лето многие еще не оправились после блокадных зим. У Пашки Березкина шатались зубы от цинги, у Гориллы все руки были в фиолетовых, как старые кровоподтеки, пятнах — тоже цинга. И у Кирки, и у меня были такие пятна, но прошли они скоро. И бежали мы быстрее, были выносливее других мальчишек на нашей улице. Я думаю, что за это нужно благодарить девушек и Федю, делившихся со мной и Киркой своим солдатским обедом.

Они казались нам очень взрослыми, а на самом деле были старше всего на несколько лет — Феде было восемнадцать, а многим девушкам, наверное, даже меньше.

Только сам став взрослым, я начал понимать, что взрослость человека не всегда соответствует его возрасту. Ну вот хотя бы то, что девушки из аэростатного расчета и шофер Федя неизменно относились к нам с добротой и никогда не проявляли высокомерия. А много ли мы с Киркой обращали внимания на мальчишек младше нас, которые собирались в нашем старом дворе, гоняли в футбол на Артиллерийской улице между красными кирпичными корпусами — там же, где играли и мы. Много ли мы знали об этих мальчишках, которые были младше нас на несколько лет? Мы просто не замечали их с высоты своего возраста. Мы были слишком заняты своими интересами и делами, чтобы замечать тех, кто младше нас. А наверное, нужно, чтобы каждому в детстве встретился Федя.

Это Федя, впервые в нашей жизни, привел нас в гараж.

Был пасмурный прохладный день; поверхность пруда казалась огромным квадратным листом оцинкованного железа, брошенным на булыжную мостовую. Площадь была безлюдна; слепо поглядывали окна домов с пыльными стеклами, заклеенными крест-накрест полосками пожелтевшей бумаги. В такую погоду можно не ждать воздушной тревоги.

Мы подошли к грузовичку.

Федя выгружал из кузова бухты запасного троса, ведра, лопату, ломик и всякую всячину, обычную в шоферском хозяйстве. Мы с Киркой помогли ему отнести все это в сквер к аэростату, сложили в кучу и прикрыли брезентовым чехлом от лебедки.

— Давайте в кабину, — коротко приказал Федя. — Поедем в гараж на профилактику.

Мы с Киркой обрадовались. Правда, немного поспорили, кому сидеть рядом с Федей, а кому — возле дверцы кабины. Но Кирка был человек уступчивый, и я уселся ближе к рулю. Договорились, что на обратном пути это место займет Кирка.

Федя сел за руль, скрутил газетную сигарку, закурил, и мы тронулись в путь.

В то время в городе было совсем мало машин, и улицы казались просторными и свободными. Не было почти светофоров.

Федя вел свой грузовичок по самым красивым местам Ленинграда. Мы промчались мимо Марсова поля, на котором под зелеными сетками стояли зенитки. Набережная Невы мягко

подбрасывала машину на крутых мостиках через Фонтанку и Лебяжью канавку. Потом мы снова повернули на Литейный проспект, проехали по тихой улице Каляева.

Я любил Ленинград в неяркие дни, когда улицы наполнены мягким сизоватым светом. В этом свете, мне казалось, очертания шпилей и двorcов становились легкими, воздушными, и лепнина фасадов походила на тонкое кружево, и не было видно щербин на граните от бомбовых и снарядных осколков. А когда светило солнце, эти щербинки зияли, как раны. Колонны Исаакия и парапеты набережных были избиты осколками. Мы с Киркой не могли смотреть на эти колонны без боли. Но в этот день спокойный сизоватый свет замаскировал раны на фасадах, сделал незаметнее замурованные кирпичом окна первых этажей с пулеметными амбразурами, и казалось, что нет никакой войны.

Гараж размещался в старинных кирпичных конюшнях. Над полукруглыми воротами красовались ленные лошадиные головы. В бывших денниках стояли трофейные легковые машины и были устроены мастерские.

Мы с Киркой никогда не видели столько машин сразу. Здесь были длинные черные «опель-адмиралы», маленькие прямоугольные «кадеты», обтекаемые «капитаны» с утопленными в передние крылья фарами, что казалось тогда необычным и новым. Были и наши «эмки», «козлики» и огромные черные, похожие

на бегемотов «ЗИСы» с красными, отделанными никелем флажками на капотах. Но больше всего нас поразила кузница.

В отдельном кирпичном сарае что-то монотонно и глухо гудело и раздавались тонкие частые звоны, а потом тяжело ухало. Мы с опаской «растворили» железную дверь, и полыхнули в лицо добела раскаленные куски кокса в горне и яркое бездонное пламя над ними. Горн — это такая кирпичная печь, открытая сверху, а над ней жестяной колпак для вытяжки дыма. А снизу в горн насосом подается воздух, чтобы жарче было пламя. В кузнице стоял удивительный смешанный запах горького коксового дыма, раскаленного металла и горячего воздуха. Наконец наши глаза, ослепленные ярким пламенем, привыкли к полутьме, и мы увидели большую темную наковальню на толстой деревянной плахе. Двое высоких мужчин в длинных фартуках ковали толстый искрящийся и ослепительный брусок. У одного в руке был молоток, которым он звонко стучал по наковальне, а другой со всего маха бил и бил большой тяжелой кувалдой. И металл под ударами сыпал искры и сминался податливо, как пластилин. Закарованные, стояли мы и смотрели на раскаленный брусок железа, который менял свою форму под ударами кувалды. Вот он вытянулся, стал тоньше, на концах его появились круглые плоские площадки. Кузнец отложил молоток и взял пробойник. Придерживая раскаленный брусок клещами, он наставлял пробойник на площадки, а молотобоец тихоно ударял кувалдой, и в площадках появлялись аккуратные круглые отверстия; и уже что-то знакомое напоминал мне этот красивый кусок железа, будто я где-то уже видел такой раньше, и я силился узнать, что это. А в это время кузнец положил темно-малиновое железо на край наковальни и молотобоец несколькими точными ударами согнул его под прямым углом. И тут Кирка толкнул меня в бок локтем:

— Смотри, кронштейн для подножки.

Я молча кивнул, а сам почувствовал досаду, что не смог узнать первым этот кронштейн. Ведь именно такой совсем недавно сломался у Феде на машине. Но этот кронштейн, привернутая маленькими болтиками, держалась подножка автомобиля. Кирка оказался наблюдательнее меня.

Кузнец несколькими легкими ударами молотка оправил уже готовый кронштейн, швырнул его в угол на пол, посыпанный крупным песком, и положил клещи.

— Перекур! — весело крикнул он молотобойцу, повернулся к нам. — А вы кто такие? — кузнец сделал страшные глаза, но мы понимали, что он просто шутит с нами.

— Это мои хлопцы, — сказал Феда, появившийся позади нас. — Вот на ремонт приехали.

— Ну, с помощниками легче. Это для тебя кронштейн? — спросил кузнец.

— Да, — сказал Феда, — старый был штампованный, полетел.

— Ну, этого тебе до Берлина хватит. Остынет, прилетишь парней.

— Спасибо, — поблагодарил Феда, угостил кузнецов махоркой, и мы пошли к машине.

Мы помогли Феде, зачищали мелкой шкуркой поверхность тормозных барабанов, подавали гаечные ключи, когда он стоял в смотровой канаве под машиной, светили лампой «переноской». Феда объяснял нам назначение разных деталей, переспрашивал, чтобы убедиться, что мы запомнили и поняли его. Попутно учил нас первым приемам работы. Однажды, когда он попросил отвертку, я подав ее лезвием вперед. Феда взяв, пристально посмотрел на меня и сказал:

— Запомни, инструмент нужно подавать ручкой вперед. Человек берет не глядя, и ты должен вложить ему сразу в руку.

И я запомнил это первое рабочее наставление, и потом оно сослужило мне добрую службу.

В тот день мы узнали много нового, но самым главным было сознание, что автомобиль — не простой механизм, на котором приятно прокатиться по городу, а сложное умное устройство, состоящее из множества частей, и все это устройство подчиняется рукам знающих людей, которые могут разобрать и собрать машину. И у нас с Киркой появилась надежда, что и мы когда-нибудь научимся этому и сумеем управлять автомобилем. Но тогда мы еще не думали, что станем шоферами...

Осенью сорок четвертого года оборвалась наша дружба с Федей и девушками аэростатного расчета.

Сентябрь выдался ясный и теплый, и в школу мы ходили без пальто. Мы пришли в непривычно светлую свежестроенную школу. В чистых классах поблескивали заново покрашенные парты, и в окнах были теперь стекла вместо старой фанеры. И у всех было радостное ощущение чего-то нового, предчувствие уже близкой победы. Фронт отодвинулся далеко от города, наша армия гнала врага все быстрее на запад. Но аэростатный расчет оставался в церковном сквере, и мы прибегали к Феде после уроков. Тревоги теперь объявлялись редко. Феда скучал, с нетерпением ждал, когда его часть двинется с наступающими войсками.

Нам было грустно от предстоящей разлуки с Федей и девушками, хотя мы не думали, что она произойдет так неожиданно и скоро. Но в один ветреный день мы пришли к церковному скверу, а там уже никого не было. На чуть примятой траве не осталось даже мусора. Исчезли газгольдеры и аэростат, исчезли палатка и грузовик. Песчаная дорожка была аккуратно подметена, только неглубокая траншея, укрытие, напоминала о том, что здесь были люди, да еще тускло переливалась поверхность пруда, похожая на огромный квадратный лист оцинкованного железа, брошенный на булыжную площадь. Было грустно оттого, что мы не попрощались с Федей и девушками.

Феди уже не было, но своим советом он помог нам еще один раз.

С самого начала учебного года в нашем классе иногда стали пропадать завтраки, кто-то выстакивал их из портфелей. Впрочем, название «завтрак» было весьма условным для двух-трех тощих ломтиков хлеба с маргарином или повидлом, но мне до сих пор кажутся вкусными бутерброды тех времен.

Пропажи обычно обнаруживались на большой перемене. Чаще всех страдал Вовка Бурьгин, тихий безобидный мальчик, живший неподалеку от нас. У Вовки умерли в блокаду мать и сестра, и он остался с бабушкой, которая почти не выходила из дому. Вовка никогда не играл с нами в футбол, не ботался по улицам, потому что на нем лежала вся домашняя работа и стояние в очередях. Я испытывал смешанное чувство вины и недовольства, когда Вовка Бурьгин, обнаружив пропажу, с

грустной покорностью расправлял розовый бумажный пакет, в котором всегда носил свои завтраки.

Из-за этих пропаж в классе сгустилась подозрительность, мы уже не верили друг другу, не уважали себя.

Классное собрание организовалось стихийно. После уроков никто не сорвался с места, как обычно. Только Бурьгин расправил свой розовый пакет, уложил его в матерчатую сумку, с которой после школы ходил в магазин, и направился к дверям.

— Ты куда? — окликнул его Валерка Парамонов. Валерка был у нас старостой и уже занял место за учительским столом.

— Мне крупные карточки отоваривать надо, — ответил Вовка.

Он постоял, глядя в пол, переминяясь с ноги на ногу, и вышел, притворив дверь.

Несколько мгновений в классе стояла та-

Юрий Борисович Левитан,
диктор
Всесоюзного
радио,
народный
артист РСФСР

Фото военных лет

Как мы все чувствовали, что война идет к концу, как ждали этого конца! С особым упоением я читал по радио на всю нашу страну сообщения о том, как наши бойцы овладевают фашистским логовом — Берлином, как приближаются к рейхстагу. 30 апреля — над рейхстагом красное знамя! 2 мая — «после упорных кровопролитных боев овладели Берлином». Никто, даже ночью, не выключал репродукторы. В Радиокomitee раздавались бесчисленные звонки: «Когда Победа! Чего тянете!»

8 мая председатель Радиокomitee отдает приказ: без разрешения никуда не отлучаться. Томительно проходит день. И вот около двух часов ночи приносит листы. Текст для передачи — Победа, конец войне!

Я сел к микрофону и сказал, не скрывая радости:

«Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!»...

Читал раз за разом «Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии» и «Указ Верховного Совета СССР о праздновании Дня Победы».

А вечером 9 мая мы — работники студии — вышли на Красную площадь.

У Спасских ворот мы попали в праздничное море: люди улыбаются, поют, качают бойцов, обнимаются... Мне надо на передачу — читать «Приказ о Победе». Мы пытаемся пробраться через эту лавину, но ничего не выходит. А время бежит! Объясняем милиции, солдатам. Те начинают нам помогать. «Товарищи, пропустите! Нам по важному де-

лу!» — объясняем сами. — «Какие там дела! Сейчас Левитан читать Приказ будет, а после салют. Стойте и слушайте!»

Щупаю. Приказ — в кармане. Не сон. И я — Левитан.

Решаем — бежать в кремлевскую студию.

Буквально упал на трибуну рядом с микрофоном. Отдышался — «В ознаменование окончательной Победы... салют 30 залпами из 1000 орудий!»

Я подошел к окну. С Красной площади неслись крики «Мир!», «Ура!». Темное небо сверкало огнями салюта в честь живых и павших защитников Родины.

кая тишина, какой никогда не было на уроках, потом закричали все сразу. Валерка Парамонов поднялся и заорал:

— Тише! Давайте по очереди!

Но по очереди не получилось, и хоть в классе стало потише, но все равно говорили одновременно несколько человек. В основном поступали предложения, что сделать с тем, кто ворует завтраки: набить морду, выставить на позор с плакатом на груди и так далее. Кто-то недоуменно спрашивал время от времени:

— Почему всегда у Бурьгина?

Шума и возмущения было много, а толку мало. Конец всему положил Кирка. Он вскочил на парту, дождался, пока немного утихнут беспорядочные выкрики, и спокойно, но внятно сказал:

— Надо поймать этого гада, а потом придумаем, что с ним сделать. — И сразу стало тихо.

— А как поймать? — неожиданно громко в этой тишине раздался вопрос Вовки Земскова.

Мне не понравилась интонация Земскова. Чувствовалась в ней скрытая насмешка. Я пристально посмотрел на него. Земсков исподлобья глядел на Кирку и криво улыбался.

— Поймаем, — спокойно ответил Кирка, соскочил с парты и взял портфель.

Домой мы возвращались, как всегда, вместе. Кирка, насупившись, помахивал портфелем, а я все не мог забыть ехидный вопрос Земскова: «А как поймать?» Собственно, в этом вопросе не было ничего неожиданного, но я не мог отделаться от какого-то неприятного подозрительного чувства, вызванного Вовкиной интонацией. Я не хотел говорить об этом Кирке. Ведь очень неприятно, когда тебя в чем-то подозревают, а ты не виноват.

Нет, я не мог высказать велух подозрения насчет Вовки Земскова, хотя мне и не нравилась ехидная интонация его вопроса. Я только озабоченно спросил у Кирки:

— Что будем делать?

Честно говоря, я считал, что Кирка поступил опрометчиво, так уверенно пообещав поймать похитителя бутербродов. Но слово было сказано, и уже требовало поступков.

— Нужно поймать, — коротко ответил Кирка.

— А как поймать? — разозлился я и вдруг услышал в своем вопросе интонацию Вовки Земскова. — Нашелся Шерлок Холмс, — добавил я насмешливо.

Кирка хмуро посмотрел на меня, потом усмехнулся и спросил:

— Помнишь, ты штаны разорвал?

Неделю назад, перед тем как аэроостатный расчет снялся с места, со мной приключилась неприятность. Я сорвался с балки в разрушенном доме, куда мы лазали за старыми книгами, разорвал штанину и рассадил ногу. Потом мне пришлось сидеть дома вечер и следующий день, потому что мать, прежде чем зашить, выстирала брюки.

Я не любил вспоминать этот случай и потому обиделся на Кирку за его вопрос.

— При чем здесь штаны? — пробурчал я.

— При том, что, когда ты дома сидел, я к Феде ходил.

— Ну и что?

— Рассказал я ему тогда, что кто-то завтраки ворует, а он посоветовал, как поймать вора.

— Как? Говори! — нетерпеливо крикнул я.

— Надо таблетку чернильную раскрошить и подложить в хлеб. Он слопает, а потом рот в чернилах будет.

— Что ж ты молчал до сих пор? — с обидой сказал я.

— Так, не хотел, — набычившись, ответил Кирка.

— Чего не хотел?

— Ну, я думал, он сам поймет и таскать перестанет.

— Кто поймет?

— Тот, кто завтраки ворует.

Я с удивлением уставился на Кирку и замолчал, даже с шага сбился. Кирка поглядел на меня искоса и сказал неуверенно:

— Вот поймаем его, и все узнают, что это он воровал. Представляешь, что будет? Ему в класс больше не прийти.

— Подумаешь, пожалел кого, — презрительно протянул я.

— А вот представь, что это ты, — сказал Кирка и поглядел на меня усмехаясь.

— Ну, я!

— Да, ты. И все тебя презирают. Что бы ты стал делать?

Я постарался вообразить эту картину — получилось не очень уж весело, и я промолчал, не ответил Кирке.

— Вот такие дела, — сказал он озабоченно.

— Так что же делать будем?

— Не знаю, — сказал Кирка. — Подождем еще немного.

Но ждать мы не стали. На следующий день у Вовки Бурьгина снова пропал хлеб, а злополучный розовый пакет каким-то образом очутился в Кириной парте. Кирку в классе уважали, и, конечно, никто не подумал, что он таскает завтраки. Но мы поняли: вор бросил нам вызов.

После занятий мы пошли провожать Вовку Бурьгина. Тайный план поимки вора был разработан.

На следующее утро мы, как было условлено, встретились с Бурьгиным, не доходя до школы. Зашли в парадную большого серого дома, и на подоконнике лестничного окна каждый из нас выделил по ломтику хлеба из своего завтрака. Их щедро начинили толчеными чернильными таблетками и аккуратно сложили в Вовкин розовый пакет. К школе подходили поодиночке.

Два первых урока я ерзал от нетерпения и почти не слышал объяснений Владимира Семеновича. На второй перемене Вовка Бурьгин издал незаметно покачал головой, давая понять, что пакет на месте. Валерка Па-

рамонов тоже был посвящен в наш план и в этот день особенно настойчиво требовал, чтобы на переменах все выходили из класса. Мы с Киркой специально уходили подальше, в самый конец школьного коридора, чтобы не насторожить вора.

На третьем уроке Бурьгин, сидевший на первой парте, вытащил свой замызганный платок и шумно высморкался. Это был условный сигнал, что завтрак исчез.

На большой перемене я, Кирка, Бурьгин и Парамонов слонялись по коридору и заговаривали со всеми. Никаких следов чернил ни у кого замечено не было. Прозвенел звонок на урок, и мы с Киркой, обескураженные, потащились в класс. Урок начался, учительница немецкого языка уже вызвала кого-то отвечать, и тут, тихо скрипнув дверью, появился опоздавший Земсков.

Я посмотрел на него и оцепенело замер. Будто издали донесся удивленный вопрос учительницы:

— Was ist das, Semskov, trinkst du Tinte?
(Что такое, Земсков, ты пьешь чернила?)

Вовка беззвучно зашевелил фиолетовыми губами. Класс взорвался смехом.

— Садись, — сказала учительница.

Вовка Бурьгин обернулся к нам с улыбкой. Кирка приложил палец к губам, показывая, чтобы он молчал. Валерке Парамонову была отправлена длинная записка.

Как только прозвучал звонок, Кирка подошел к Земскову и сказал глухо:

— Пойдем потолкуем.

Земсков поднялся и покорно поплелся за Киркой. Бурьгин, Парамонов и я пошли следом.

На чердачной площадке школьной лестницы было сумрачно. Земсков прислонился спиной к стенке и затравленно смотрел на нас. Валерка молча съездил его по уху. Земсков сжался, закрыл лицо руками и пискляво захныкал. Парамонов снова замахнулся.

— погоди, — остановил его Кирка.

— Ребята, я больше не буду. Не надо, — пропичал Земсков.

— Ну, теперь знаешь, как ловят? — спросил его Кирка.

Земсков заплакал.

— Пять дней будешь Вовке Бурягину жратву отдавать. Понял?

— Понял, — всхлипывая, отозвался Земсков.

Кирка спросил у Бурягина и Парамонова:

— Никому не говорили?

— Нет, — сказал Валерка, — я же получил записку.

— И я не говорил, — тихо ответил Бурягин и попросил: — Не надо его бить.

— Ладно, не будем, хотя стоило бы, — Кирка подошел вплотную к Земскову. — Но, смотри, засекешься еще раз — всему классу скажем. А тогда сам знаешь, что будет.

— Честное слово, Кирка! — записал Земсков.

— Уже звонок, — сказал Бурягин.

Мы побежали вниз по лестнице. На бегу Парамонов сказал мне:

— Эх, надо было все-таки врезать ему пару раз.

Я был согласен с Валеркой, но промолчал.

Киркина воспитательная мера помогла. Вовка вел себя тихо, а после шестого класса ушел в ремесленное училище. Но до этого он устроил нам еще одну неприятность следующей весной.

Мы с Киркой той весной ходили какие-то шальные, часто беспричинно смеялись. Еще приходили письма от отца, тоже радостные, полные надежд на скорую встречу. Но мы так и не встретились. Отец погиб пятого мая, а его последнее письмо пришло уже после победы, на несколько дней опередив «похоронку».

И апрель сорок пятого года запомнился мне радостным ожиданием близкой победы и событием, к которому имел отношение Вовка Земсков.

Наша классная воспитательница Вера Васильевна спросила:

— Серионицын, вы не знаете, почему нет Земсков?

Вовка не был в школе уже три дня. Он и раньше пропускал занятия, и мы знали, что он не болен, а просто «мотает», но Вера Васильевна просила зайти, и мы пошли.

Вовки Земскова дома не оказалось, и мы с Киркой решили заглянуть на всякий случай во двор.

Мы прошли под аркой, и я сразу почувствовал запах дыма, а потом увидел догорающий костерок в углу возле глухой стены. Во дворе никого не было.

— Пошли, — сказал Кирка и повернул к воротам. А меня словно черт дернул подойти к этому костерку поближе. Уже тускнели уголья и тихо потрескивали. Я поднял возле останков сарая какую-то гнилушку и хотел подбросить ее на тлеющие уголья, уже прице-

лился, чтобы попасть в самую середину кострища, и тут позади кто-то тонко испуганно крикнул:

— Стой!

Я повернулся на крик, никого не увидел, и вдруг что-то стукнуло меня по ноге, сразу раздался грохот, и я упал, больно ударились плечом. На миг стало темно в глазах, потом я увидел, что сверху мне на лицо медленно опускаются хлопья коפות. Я оперся на руки, встал и снова упал, но уже не ушибся. Кирка выскочил из-под арки и подбежал ко мне. Я сел и удивленно посмотрел на него. Я никогда не видел у Кирки такого лица. Потом я заметил, что Кирка смотрит мне на ногу, и тоже посмотрел. Штанина ниже колена была в крови. Потом я услышал, что кто-то тихо хнычет надо мной, поднял глаза и увидел Земскова.

— Валь, я не хотел, честное слово, нечаянно, — сказал Земсков и заплакал.

— За нечаянно бьют отчаянно, — сказал Кирка и дал ему по шее. — Что там было?

— Запал от РГД, — пропичал Земсков. — Я же кричал, я из оков черного хода увидал...

— Помоги лучше, — Кирка наклонился, взял меня за плечо. — Бери за другую руку, — прикрикнул он на Земскова.

Они помогли мне подняться, и я встал на одной ноге.

— Больно, Валь? — спросил Кирка.

— Нет, — сказал я. И правда, боли я не чувствовал.

— Осколки от запала большие не бывают, — сказал Кирка. — Попробуй, иди сможешь?

Я осторожно опустил ногу. Боль была несильной.

— Ладно, отпустите, — сказал я. — Надо по улице пройти незаметно.

Медленно проковылял я по улице до нашего дома. Кирка и Земсков прикрывали меня сбоку, чтобы не была видна окровавленная нога.

— Чеши отсюда, — сказал Кирка Земскову, когда мы добрались до дверей квартиры.

Ранка была небольшой. Кирка принес из кухни воды, и мы промыли ее, потом заматали чистой тряпичей.

— Застырай холодной водой, — сказал я Кирке, и он пошел отмывать штаны.

Я лег на диван и стал глядеть в окно на медленно сереющее небо с легкими прозрачными облаками. Нога не болела, но настроение у меня было неважное. Я знал, что из-за этой пустяковой дарапины очень расстроится мать. Она даже будет плакать.

Ну зачем ей плакать из-за этой дарапины, — думал я, — если она совсем не болит.

Из кухни вернулся Кирка. Он здорово намочил штанину, но кровь отстиралась. Я надел брюки и снова лег на диван.

— Ну, как? — спросил он.

— Ничего. Ты скажи Земскову, чтобы не болтал, ладно?

— Ты что, думаешь, так пройдет?

— Живет, конечно, — ответил я и почувствовал некоторую гордость тем, что я —

раненый и могу проявить все свое мужество и презрение к боли. Но на Кирку это не произвело никакого впечатления.

— Зря, — сказал он. — Нужно к врачу, осколков вынуть, а то заражение может получиться.

— Подожду до завтра, — ответил я.

Кирка еще немного посидел возле меня и пошел домой. А я остался лежать на своем диване, глядеть на кусок неба в окне и думать.

Я думал, что теперь знаю, как раненый солдат лежит на поле боя, когда его товарищи ушли вперед. Солдат лежит, радуется тишине и тому, что жив, и ждет санитаров. Потом мне показалось, что я сам — солдат, лежащий на поле боя. Я долго отстреливался от наседавших врагов, бился с ними врукопашную, когда они дошли до моего окопчика. Они тяжело ранили меня, но я уничтожил их всех, и вот лежу теперь на исходе дня и смотрю на тусклый закат; мой верный ППШ лежит рядом и остывает после боя, и так тихо вокруг, а где-то вдалеке играет музыка, как в кино. Я даже чуть присанился лежа, потому что не может же солдат лежать кое-как, даже если тяжело ранен...

Но все это я воображал одной половинкой сознания, а второй думал о матери.

Моя мать — странный человек. Она скорее поверит тому, чего никогда не было, чем тому, что случилось на самом деле. Вот если я расскажу ей все как было. Что во дворе двадцать девятого дома догорал костерок, и я зачем-то подошел к нему, а в огне каилился запал ручной гранаты, а запалы такие штуки, которые имеют привычку взрываться, если их кидают в огонь... Нет, моя мать ни за что не поверит в такую простую и правдивую историю. Она, конечно, не станет прямо обвинять меня во лжи. Она просто начнет говорить о том, что мне четырнадцатый год, и пора бы уже взяться за ум, не делать глупостей. И выйдет так, что мать этими своими словами начисто перечеркивает мою правдивую историю, не верит в то, что я нисколько не виноват в случившемся. Вообще все взрослые всегда считают, что в любом происшествии должен быть кто-то виновен. Они отрицают случайности, по крайней мере, те случайности, которые происходят с детьми. Вот недавно мать шла из магазина и разбила бутылку постного масла — просто оборвалась ручка у старой авоськи и бутылка вывалилась. Понятно, что произойдет со стеклянной бутылкой, если она грохнется на плиты тротуара. Мать, конечно, огорчилась, было жаль масла, но ничего не поделаешь — случайность. Она так и сказала: «Ах, какая досадная случайность!» А вот если бы бутылка разбилась у меня, то это уже не было бы случайностью. И я стал придумывать для матери какую-нибудь такую историю о моем ранении.

Конечно, проще всего было сказать, что я сам бросил запал в костер, и он взорвался. Но не очень приятно брать вину на себя, когда ты же еще и пострадавший. Нет, эта история мне не понравилась, и я стал придумывать другую.

Я перебрал несколько вариантов, среди которых был случай с бешеной собакой, ворвавшейся в наш двор. Я уже красочно представил себе огромную, ростом с мотоцикл, собаку со вздыбившей шерстью и оскаленными кривыми клыками, между которыми звизгает мокрый красный язык. Я сражался с этой собакой и выгнал ее со двора, чтобы она не причинила вреда нашим соседям по дому... Вот... Только один раз собака изловчилась укусить меня за правую икру...

Да, это была эффектная история, я чуть было сам не поверил в нее. Но в ней были недостатки: во-первых, у меня на ноге была только одна ранка, а от укуса должно было остаться несколько; во-вторых, в то время в городе не водилось вообще никаких собак, не было даже кошек, не было и голубей — все они исчезли в блокаду и развелись только много лет спустя. Словом, история с бешеной собакой не подходила. Ведь когда хочешь, чтобы тебе поверили, нужно изобрести ложь, которая выглядела бы правдивее самой правды.

Я пожалел о том, что такая интересная история пропадает зря, и начал сочинять другую. Но тут стала немного побаливать нога, и я стал думать, задета или не задета кость и как там сидит в моей ноге кусочек красной меди, из которой делают гранатные запалы. Я думал, а нога боледа. Пришлось размотать тряпицу, она присохла к ранке, и я не стал отдиравать. А вокруг ранки кожа покраснела и чуть припухла. После того, как я увидел все это, боль стала казаться еще острее. Я уже не думал ни о каких историях и не знал, что говорить матери.

Незаметно для себя я задремал, но когда мать стукнула дверь, сразу проснулся и почувствовал прежнюю боль.

— Ты чего валяешься? — спросила мать.

— Так, ничего.

— Набегался?

— Ага, — я старался отвечать покороче, чтобы только мать ничего не заподозрила. Вообще-то моя мать очень догадливая.

Я старался оттянуть как-нибудь неприятный разговор, чтобы мать спокойно поужинала. И еще потому, что за давнишнее всегда попадает меньше. Вот если бы ранение это произошло неделю назад, то как бы сейчас просто было сказать: «Знаешь, мам, тут неделю назад мне железка попала в ногу, но уже прошло». Тогда мать повздыхала бы, конечно, сказала чего-нибудь, и все бы обошлось мирно. А теперь я предчувствовал крупное объяснение, да еще со слезами. А кому приятно видеть, как плачет его мать.

Пока мать возилась на кухне с ужином, я готовился сказать ей о случившемся, ведь скрывать было уже невозможно, потому что я не был уверен, что смогу встать к столу.

Я прислушивался к звяканью посуды на кухне и со страхом ждал объяснения. Но объяснять ничего не пришлось. Раздался звонок у входной двери, потом — шаги матери и

чий-то голоса. Я почему-то заволновался, да же отвлёкся от боли в ноге и невеселых мыслей.

Шаги по коридору приближались к нашей комнате, дверь отворилась. Я скопил глаза и увидел Киркину мать, Марию Сергеевну. Она решительно переступила порог, за ней вошла мать с испуганным лицом, а позади, потупясь, проскользнул Кирка.

— Лежит, герой, — громко сказала Мария Сергеевна и шагнула ко мне. — Показывай ногу!

— Да ну, там нет ничего, — буркнул я, чтобы скрыть растерянность.

Мария Сергеевна схватила меня за ногу, стала задира́ть штанину, и я вскрикнул от боли.

— Нет ничего, говоришь?

Ее длинные проворные пальцы сразу размотали тряпицу, но она не отделилась, потому что присохла к ране. А мне сразу стало как-то легче от прикосновения пальцев Марии Сергеевны. Ведь она работала в госпитале медсестрой и умела обращаться с ранами.

Пальцы ее быстро ощупывали мою ногу, потом она вдруг рванула тряпицу.

— А-а-а! — заорал я.

— Все! Все прошло, — Мария Сергеевна отбросила тряпицу. И снова ее пальцы успокаивающими прикосновениями ощупывали но-

гу вокруг раны. А я старался не смотреть на мать, застывшую в напряженном молчании.

— Немедленно в госпиталь, нужно вынуть осколок, — сказала Мария Сергеевна.

Я облегченно вздохнул. Это меня устраивало, потому что избавляло от объяснений с матерью.

Летом сорок шестого года во дворе появилась Надька Мухина. Она и раньше жила в нашем доме, но в войну уехала с матерью, а теперь они вернулись из эвакуации. Раньше мы не обращали на Надьку никакого внимания. Обыкновенная девчонка с дурацким бантом на голове. Мы даже недолюбливали ее, потому что учились в первом классе вместе, и матери наши только и говорили о том, какие у Наденьки чистые тетрадки, какой у нее красивый почерк и чистые руки. И вот теперь, когда встретились снова почти через пять лет, Надька сначала не вызвала у нас интереса. Тем более что учились мы теперь отдельно от девчонок. Правда, Надька выглядела уже не прежней пигалицей с немислимым бантом. Она здорово выросла, — на целых полголовы выше нас ростом. Мы даже не сразу узнали ее.

Мы с Киркой стояли и раздумывали, куда пойти — в Михайловский сад, поиграть в волейбол, или на пляж к Петропавловской крепости, чтобы искупаться. Пруд наш на пло-

Борис Полевой,
писатель,
автор книги
«Повесть
о настоящем
человеке»

Советское Верховное Главнокомандование бросило на спасение Праги две танковые армии.

Мне, военному корреспонденту «Правды», тоже было поручено в обгон этих танков, на самолете, вылететь в Прагу.

ки мы сделали в чешском городе Мост. Сели на шоссе. Город горел со всех концов. Фашисты только что покинули его. Взлетели снова, и вскоре были над Прагой. С бреющего полета я видел всю картину сражения: баррикадные бои, немецкие танки на улицах, падающие здания, схватки у переправ.

Летчик посадил машину на пражском олимпийском стадионе.

Стадион этот знаменит множеством всяких рекордов, но самолет приземлился на нем, кажется, единственный раз.

Автомобиль повстанцев довез меня до центра города, там находился партизанский повстанческий штаб. Но в это время советские танки уже входили в город. Прага была спасена!

Из Радицентра я и передал донесение в Штаб фронта, а затем свою последнюю военную корреспонденцию в Москву. На другой день она была напечатана в «Правде».

9 мая! Кто же не помнит его! Для меня он был не только победным, но и целиком, до последней минуты, военным днем.

Нацистские армии в Берлине уже капитулировали, Москва уже праздновала Победу, уже гремел самый великий из всех салютов, но было еще в Европе место, где сражение становилось все жарче и ожесточеннее. Я имею в виду Чехословакию, особенно положение в Праге. Оно было очень сложным, почти трагическим. Пражские повстанцы вели в городе бои с частями СС, а дивизии группы «Центр», не подчинившиеся акту о капитуляции, во всеоружии отступали через горы к Праге.

В первые же минуты весеннего рассвета с военного аэродрома под Дрезденом стартовал самолет, в котором я и вылетел на выполнение задания.

Первую посадку для запра-

шадя перед церковью давно зарыли, а волейбол стал в то лето повальным увлечением. Мы стояли так, раздумывали и выбрали наконец волейбол, потому что вода еще была холодной, и после купания бросало в дрожь. В это время из-под нашей арки вышла длинная, тощая девчонка с короткими прилизанными волосами. Девчонка была в ковбойке красного цвета, синей юбке и белых спортивных тапочках. Она зыркнула хитрыми глазами в нашу сторону, а мы сделали вид, что не замечаем ее. Тогда она шагнула к нам и протянула руку.

Мы слегка опешили от неожиданности, но пожали ей руку — сначала Кирка, потом я, и молча уставились на нее.

— Что, не узнаете? — она засмеялась, прищурив глаза и откидывая голову назад. И тогда я сразу узнал ее.

— Ты — Надька Мухина!

— Ага, точно, — она провела ладонью по своим прилизанным волосам, перестала смеяться и смотрела на нас. — А я вас сразу узнала.

— Ты когда приехала? — спросил Кирка.

— Вчера. Рада ужасно. Только двор у нас какой-то не такой стал. Я думала, он меньше.

— Флигеля-то одного нет — разбомбили.

Вот и стал больше, — объяснил Кирка.

— Ну, пошли, — сказал я ему.

— А куда вы? — любопытствовала Надька.

— В волейбол играть, в Михайловский, — выпалил Кирка.

— Ой, возьмите меня!

Мы с Киркой переглянулись.

— Ладно, — сказал я, — пошли, — а про себя подумал: «Вот привязалась еще».

Всю дорогу до Михайловского Надька трещала без умолку. Она рассказывала, как они с матерью жили в эвакуации в Ярославской области, как научилась ездить на лошадах, которых вместе с мальчишками гоняла в ночное. Потом засыпала нас вопросами, как мы тут жили, и все говорила, что соскучилась по Ленинграду, расспрашивала о мальчишках и девчонках, живущих на нашей улице. Она примолкла лишь тогда, когда мы сказали, что Вовка Шушарин и Колька Егоров умерли в блокаде, а многие еще не вернулись.

И Надька ничего больше не спросила.

В молчании мы прошли по аллее весь Михайловский до Садовой улицы. У выхода на канал Грибоедова был большой пустырь, обрамленный толстыми липами. На этом пустыре выстраивались кружки, над которыми подпрыгивали мячи.

В этот день на пустыре было много народу, потому что учебный год закончился накануне и школьники еще не успели разбегаться на лето. По всему пустырю в воздух подлетали мячи разных цветов. Мы остановились под липами и стали оглядываться, к какому бы кружку пристыться. Потому что неинтересно играть с неумеющими или с одними девчонками. Чаше

всего в таком кружке мяч катается по земле после двух-трех пасовок. Мы с Киркой избегали таких кружков. Но нас тоже не везде принимали. В хорошем круге, где играли парни постарше нас, мяч, конечно, долго держался в воздухе, там были красивые длинные пасы, резкие удары. Но нас с Киркой в такие кружки принимали неохотно, да мы и сами чувствовали, что портим игру старшим парням. И вот мы стояли на краю пустыря и подыскивали подходящий кружок. А Надька Мухина тоже стояла рядом и вертела головой.

— Вот там, вроде, ничего играют, — показал Кирка на один крайний кружок. — Пошли?

— Нет, — вдруг решительно заявила Надька. — Там мяч плохой. Во-он, видите, где красный мяч? Пошли туда.

— Да ну, — неуверенно протянул я и посмотрел на Кирку. В этом кружке, на который показала Надька, играли одни ребята и все постарше нас, наверное, девятиклассники. И не хотелось услышать от них презрительное: «Эй, мелюзга, отвалите!» Мы с Киркой нерешительно затоптались на месте, а Надька пошла к этому кружку.

— Сейчас ее турнут оттуда, — сказал Кирка. И мы подошли поближе, чтобы увидеть, как Надька опозорится.

А она смело, чуть покачиваясь на своих длинных, тонких, как ходули, ногах, подошла и встала в круг.

Парни играли очень хорошо, мяч у них не падал на землю, они умудрялись поднять его вверх из самых трудных положений, и снова он взмывал свечой, и следовал резкий сильный удар, кто-нибудь бросался вперед, принимал этот трудный мяч под дружные веселые возгласы, и красивый красный шар поднимался над кругом. Мы с Киркой даже позабыли про Надьку — так красиво и хорошо играли парни. Да ей и не досталось еще ни одного паса. Она стояла между парнями, по-спортивному чуть согнув ноги в коленях и подавшись вперед, а руки положила на пояс. Но ей так и не доставалось паса. Парни словно не замечали ее. И когда с противоположной стороны круга пошел резкий удар, она вдруг сделала быстрый шаг вперед, опустилась на одно колено и плавно, будто нехотя, подняла руки. Красный мяч высокой крутой дугой снова отлетел к противоположному краю, и сразу оттуда последовал резкий удар. Надька небрежно, одной рукой, отпасовала мяч в сторону.

— Ого! — удивленно воскликнул кто-то из парней.

Мы с Киркой были ошеломлены. Надька, видно, умела играть в волейбол получше нас. Потом парни стали уже подкидывать ей под резкий удар, и Надька прыгала вверх и резала так, что они иногда не могли взять мяч после ее удара. А мы все стояли и удивленно смотрели, пока она не обернулась и не позвала:

— Ребята, идите сюда.

Продолжение следует

Эта фотография сделана в Великую Отечественную войну, Михаил Шолохов, как и многие советские писатели, в те годы стал военным корреспондентом. Он писал о фронтовых горячих боях, выступал с гневными статьями, клеймившими фашизм.

На всех фронтах советские бойцы знали и любили произведения своего военного корреспондента — талантливого писателя и страстного борца за мир.

„ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ“ — это тема конкурса школьных сочинений, который прошел по всей нашей стране. Ребята рассказали в сочинениях о своих любимых шолоховских произведениях, поделились мыслями, которые пробуждал в них писатель, назвали героев книг, которым они хотят подражать.

Работы школьников — общий подарок ко дню рождения любимого писателя.

МАСТЕР

На крутом, высоком берегу могучего Дона стоит большой дом белого цвета. Его видно издали. В нем живет Михаил Александрович Шолохов. По краям этого дома и за ним просторно раскинулась старинная казачья станица Вешенская. Те, кто читал книгу Михаила Шолохова «Поднятая целина», знают смешного деда Щукаря, в честь его назван паром, на котором переправляются местные жители с берега на берег. «Дед Щукарь». По Дону ходит пароход «Михаил Шолохов». Это свидетельство большой любви народа к своему замечательному земляку. М. А. Шолохов много сделал и делает для того, чтобы станица стала лучше, красивее. В библиотеке не одна сотня подаренных им книг. За станицей дружно шумит сосновый бор. Это Михаил Александрович позаботился, чтобы на песках вырос лес. Неподалеку от станицы аэродром. Тоже забота М. А. Шолохова, чтобы его землякам было удобнее добираться до Ростова.

К Михаилу Александровичу приезжает много людей за советом, за помощью, и для всех он находит время. Частыми гостями бывают у него зарубежные писатели: англичане, финны, американцы, немцы, датчане, норвежцы, шведы. И я был в Вешенской в то время, когда у Шолохова гостили писатели из Дании и Норвегии. Он много им рассказывал о своем крае, о его народе-труженике, показывал родные степи, хлебные поля, возил на рыбалку на Дон и Хопер.

Михаил Александрович получает очень много писем. Пишут ему разные люди. Кто просит совета, кто помощи, кто шлет свою рукопись, чтобы мастер высказал свое мнение о способностях начинающего писателя, кто шлет только что вышедшую книгу, с дарственной надписью.

Встает Михаил Александрович рано, с восходом солнца. Его кабинет находится на втором этаже. Из окна виден Дон, видны степные просторы. В тишине, полной мягкого утреннего света, начинается его рабочий день.

Сергей Воронин

СЕРИЯ 19

ВЕСЕННЯЯ
ВСТРЕЧА

НА ЭКРАНЕ— ГЕРОИ ШОЛОХОВА

„Судьба человека“

Андрей Соколов, солдат, вернувшись с фронта, не нашел ни семьи своей, ни родного дома — сгорели от бомбы.

И маленького мальчика, который едет в грузовике вместе с солдатом, война тоже сделала бездомным, одиноким.

И вдруг солдат говорит мальчишке, говорит, потому что не может не сказать: «А ты знаешь, кто твой отец? Это ведь я твой отец».

Этот шолоховский рассказ называется просто и выразительно: «Судьба человека». Как только он был напечатан в «Правде», его сразу же захотел поставить в кино С. Бондарчук. Фильм получился, как и сам рассказ, мужественным, суровым, правдивым. С. Бондарчук — режиссер и исполнитель главной роли Андрея Соколова и оператор В. Монахов были удостоены за работу Ленинской премии.

В 1955 году кинорежиссер С. Герасимов начал работу над экранизацией «Тихого Дона». Сотни людей помогали съемочной группе. Участники революции и гражданской войны рассказывали актерам о времени, описанном в романе, ученики строительного училища возводили хутор, старые казаки несли посуду и утварь, учили актеров говорить по-казачьи...

Фильм вышел на экраны к 40-летию Великого Октября. С восхищением его приняли не только советские зрители — на Международном кинофестивале в Карловых Варах он получил Большой приз.

Это была вторая жизнь романа на киноэкране. В 1930 году вышел на экраны фильм «Тихий Дон», снятый по первой части романа. Для постановщиков картины О. Преображенской и И. Пятакова одной из самых больших трудностей была «немота» кино. Звуковые ленты родились позже. А ведь роман Шолохова — это множество «разговоров» — монологи, диалоги, реплики... И слова-то в них не обыкновенные: яркие, сочные, точные — именно такие, какими говорят в донских станицах.

И роман «Поднятая целина» тоже прожил на экране две жизни. Первая началась в 1940 году. Режиссером картины был Ю. Райзман. Очень много помогал ему в работе сам М. Шолохов. Второй раз роман экранизировал режиссер А. Иванов в 1960 году.

Пастух, Нахаленок, Шибалок из «Донских рассказов», герои других фильмов по Шолохову — они пришли на экран из жизни народа и поэтому навсегда останутся в памяти зрителя.

Г. Георге

„Тихий Дон“ (вторая экранизация)

„Нахаленок“

НАША АФИША

На киностудии «МОСФИЛЬМ» по одноименному роману М. Шолохова снимается кинокартина

„ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ“

Режиссер С. Бондарчук. Оператор В. Юсов

В ролях: В. Тихонов, Ю. Никулин, В. Шукшин, И. Лапиков и другие артисты

МЯТИ ПАВШИХ
иним Саша Плешанова, 9 класс,
загорский Дворец пионеров, Ленинград

ПЯТЬ

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
„КОСТРА“

В мае родилась победа!
В мае родилась пионерия!

В день рождения Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, в дни празднования Великой Победы в каждом отряде, в каждой дружке подвоятся итоги Марша «Всегда готов!».

проходящего под девизом «Салют, Победа!»

В этот день будут названы новые правофланговые коллективы советских пионеров. Честь и слава им!

ТВОЙ РОВЕСНИК ЗА РУБЕЖОМ

С большой радостью во всех пионерских дружинах страны готовились к Дню Победы.

«Пикет-30», экспедиции и походы, мосты дружбы, переписки с зарубежными дружинами укрепили интернациональные связи пионеров.

КИДЫ собрали большой материал о деятельности прогрессивных детских организаций за рубежом.

В БАРАБАН пришло новое письмо из Берлина, из школы имени Олега Кошкова.

Эта школа и наша московская № 681 были инициаторами совместного поиска под девизом «Салют, Победа!»

Дорогие советские друзья! Поздравляем вас с праздником Победы.

Школа № 681 имени Олега Кошкова в Москве и наша школа призывали всех пионеров принять участие в интернациональном пионерском походе по обмену опытом.

В нем приняли участие активисты из ГДР, Советского Союза и Польши.

Интересная работа Центра тимуровцев из Нового Бранденбурга. В помещении Центра поставлен телефон, и каждый четверг с 6 часов там дежурят лучшие пионеры — тимуровцы. Каждый

школьный марш «Салют, Победа!»

В нашей школе уже много сделано. Ученики этого класса изучили биографию героя, имена которых носил плащиде и улицы нашего микрорайона. Уже прошел интернациональный слет пионеров по обмену опытом.

Не могу рассказать обо всех хороших делах. Если вы хотите узнать больше, пишите и спрашивайте.

К борьбе за мир и социализм будьте готовы!

Жинка Лавочкина,
член совета дружки,
7 класс

В гости к немцам пионером пришел старый рабочий. Ветеран революционного движения рассказывает о борьбе пролетариата против германского фашизма.

ВЕСТИ С ПИОНЕРСКОГО МАРША

ВЕСЬ КАРАЧЕВ ЗНАЕТ ПРО НАШ МУЗЕЙ — школьные следопыты проследили боевой путь воинских частей, которые освобождали Карачев, собрали все, что могли, о жизни и подвигах Героя Советского Союза товарища Ваткина, погибшего при освобождении нашего города. Все оборудование для музея делает кружок «Умелые руки».

Директор и хранитель музея Гали Александровна Карачев, школа им. Горького

«ВETERAN 31-й АРМИИ»

— таким знаком наградили нашу школу. У нас уже 30-й год работает клуб «Союз пролетариев». Члены клуба изучают боевой путь Бранской Пролетарской дивизии, которая вступила в состав 31-й армии и закончила войну в Праге. Мы ведем переписку со многими ветеранами войны. Наша школа стала местом встречи ветеранов, живущих во всех концах страны. Мы собираем металлолом и макулатуру и часть средств отдаем на сооружение памятника героям-пролетарцам. В младших классах мы не раз рассказывали о Бранской дивизии.

Марина Клишкова,
Людмила Романова,
Наталья Куришкова,
Валера Висковский,
Бранск, школа № 53

БЕССМЕРТИЕ

Стоял в степи обветшалый черным дымом
Горячий танк с звездой на броне,
Стоял один на поле битвы,
Застыл в грозной тишине.

А радон на траве лежал солдат,
Потом его поспешно наградили
И обелиз воздвигли на могиле,
Чтоб люди поклониться приходили.

Хоть славы он совсем не добивался,
Но в каждом сердце навсегда остался.
Светла Вайсберг, 9 класс,
Киевской

БОЛЬШОЕ БАРАБАНА

В прошлом выпуске было напечатано письмо Нади Прохоровой. Поминать «на уроке физкультуры один мальчик не взял высоту. Мальчишки начали над ним смеяться. Почему они унижают достоинство своего товарища?»
НА ПИСЬМО НАДИ ПРОХОРОВОЙ ОТВЕЧАЮТ ЮНКОРЫ БАРАБАНА:

Вера Фридрих: То, о чем ты пишешь, Нада, было и у нас в 7-м классе. На переменах, помню, мальчики и девочки стояли отдельно. Мальчишки смеялись над нашими мальчишками, да и мы отвечали им тем же. Физкультура, всякие шутки задевали самолюбие. Мальчишки без всякого видного повода зуркали, дерзили. Мальчишки стараются показать себя взрослыми, независимыми, а это у них не получается, вот и злятся. Но, увы, другого, незаметно возмущаться самому.

на колпачки, и весь класс хором считает: «Раз! Два! Тата! Ну, еш! Делай Ура!!!»

Бирюбиджан

Ира Мозилева: Дорогой БАРАБАН! У нас в седьмом классе тоже картина. Помню, ребята стеснялись показывать себя отчаянными. Боятся, что на засмеют.

Ленинградская область

Актюбинск

Ира Бункова: Быть может, тот мальчик горько плакал потом, и не только потому, что не взял высоту, а оттого, что никто его не поддержал. А что сказала ваш учитель? Мне кажется, Нада, что своим поступком мальчишки показали, что им рано доверять серьезные дела. А вот нас 8-й очень дружили! Конечно, бывают конфликты, ссоры, но это по мелочам. А на физкультуру идем с радостью. Мальчишки подгадываются

ВНИМАНИЕ!

В СПЕЦИАЛЬНОМ ВЫПУСКЕ БАРАБАНА ПОЯВИТСЯ НОВАЯ РУБРИКА — ПЯТАЯ ЧЕТВЕРЬ. Все, что собирается нею в трудные лагеря, в колхозы и совхозы, не забудьте взять с собой бюллетень и карандаш, краски и фотоаппарат. Ждем ваших сообщений!

Получено срочное сообщение из села Чернышево Калязинской области. Юноба БАРАБАНА Янина Синицына рассказывает:

Наш отряд «Чайка» готовится к 30-летию Победы. К нам уже приезжают бывшие воины 324-й стрелковой дивизии, которая в 1941-43 годах держала оборону в нашей селе, на берегу реки Жюлды. К нам в марте приезжал в гости бывший полковник батальона 887-го артиллерийского полка Сергей Танков, который живет в Пензе. Ждем из Черногова гвардии полковника Игната Степановича Марченко. Мы давно с ним переписываемся с к многоим другими ветеранами тоже. Сейчас оформляем комитет боевой славы, собираем для него экспонаты.

9-го Мая будет торжественный митинг у братской могилы, в потом концерт. Всем гостям и своим односельчанам, которые воевали, готовим подарки...

РЕБАТА БАРАБАН ЖДЕТ ПОДВОДНОГО РАСКАЗА О ТОМ, КАК ПРОШЕЛ ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ В ВАШЕЙ ШКОЛЕ, У ВАС ДОМА, В ВАШЕМ ГОРОДЕ ИЛИ СЕЛЕ.

Актив пионерского отряда «Чайка». Слева направо: Света Давыдовкина, Тома Дукова, Катя Мосина, Сергей Синицын, Марина Синицына, Пет Леонов, Гали Мельниченко, Миша Леонов, Янина Синицына.

ПИОНЕРСКИЕ РЕЛЬСЫ—БАМУ!

Ира Козырева: — Еще весной состоялся у нас сбор под названием: «Знаете, что такое БАМУ?»

Про БАМ все, конечно, слышали, но так, чтобы в подробности — никто не знал. Учительница литературы, Наталья Константиновна, многое рассказала нам об этой стране.

Лена Заринина: — Я в тот день узнала, где будет проходить эта большая дорога, и что вся наша страна следит за стройкой. Мальчишки наши загорелись! Кто-то сказал: «Давайте соберем столю металлолома, чтобы можно было построить километр рельсов!» Мы решили: каждый соберет по 65 килограммов металлолома. Столько нужно для того, чтобы отлить один метр рельсов.

Сергея Гришанов: — На следующее утро об этом объявили на общедружинной линейке, и все пионеры стали собирать металлолом. Все-все отряды. Тон задавали младшие.

Не восьмые, не десятые классы, а пятиклассники. **Оля Коробяева:** — Нет, справа все-таки было не так. Слева даже не все мальчишки включились в работу. Есть у нас один мальчик, Иванко Володя, унисел он недавно и вообще ничем не выделялся. Его сделали ответственным за сбор металлолома. И вот что интересно. Он не только хорошо справляется с порученным делом, но и учиться стал гораздо лучше. Еще бы! Это поручение заставило его внутренне подняться.

Сергея Гришанов: — Это у нас не единственный случай. Многие мальчишки стали серьезнее относиться к учебе. И все-таки на первое место в школе вышли пятиклассники. И наша школа занимает первое место в Новгороде.

1200 человек принимали участие в «Операции БАМУ».

Мы собрали 30 тонн металлолома.

Новгород, школа № 21,
7-е класс

У МЕНЯ ЕСТЬ ДЕДУШКА И БАБУШКА. Они оба участники Великой Отечественной войны. Дедушка награжден орденом Красной Звезды и шестью медалями, а бабушка четырьмя медалями. В 1941 году они были молодыми...

Дедушка и бабушка воевали четыре года. Бабушка дошла до Берлина, а дедушка — до Вены. Дедушка был пять раз ранен и вот уже тридцать лет получает пенсию. И бабушка тоже по инвалидности на пенсии.

Людя Межвая,
г. Прудники,
средняя школа, 5-й класс

Я ХОЧУ РАССКАЗАТЬ О ДОРОГОМ МНЕ ЧЕЛОВЕКЕ, о своей первой учительнице. Вот уже более четверти века работает в нашем классе в средней школе № 5 бывшая разведчица-радистка Анна Ивановна Жиглова. Первую медаль — «За отвагу» — она получила в 1943 году за хорошо налаженную радиосвязь с Большой землей.

У Анны Ивановны есть знакомые «отники народного просвещения».

Татья Беревова,
г. Чернышков,
отряд «Соколенок»

СОЗНАТЕЛЬНОСТЬ НА УРОВНЕ... Стали мы лом собирать. Собирали соревновались — кто больше соберет. А пушному сборнику — кинул. Так дело пошло лучше. Когда поделили итоги — по пушному трамволу получили 7 кг, они собрали 369 килограммов. Им, между прочим, отблагодарили. А вообще наша школа на первом месте в районе.

Сергея Дементьев,
Люба Михеенко,
Лена Марускина,
Лена Александрова
Ленинград, школа № 369

ИЗ АРХИВА
РЕДАКЦИИ
«КОСТЯ»

КОСТЯ

Дорогие ребята! Этот номер «Костя» появился в книжках, когда фашисты стояли у стен Ленинграда, когда на город сыпались бомбы и снаряды, когда до линии фронта было несколько трамвайных остановок, когда фашистское командование, уверенное в скорой победе, уже готовило приглашительные билеты для банкетов в ленинградской гостинице «Астория».

Мы вышли! И потому не вышли, что не только зряны, но и все жители города, даже такие юные, как ты, о которых рассказывал этот номер «Костя», встали на защиту родного города. И отстояли его.

БУДЕМ СЛАВНЫМИ БОЙЦАМИ

«Надвинулся призошел такой случай. Коля Иванко, ученик одной из ленинградских школ, вечером до двора услышал шум авиацион-

ного мотора. Прошло еще мгновение, и что-то застучало по крыше дома, упало возле сарая, на сваленные в углу двора тапки. Стул был чистый, как будто сверху падал град.

Зажигательные бомбы Коля схватил ведром с водой. У тапек уже загорелась огнем. Коля плеснул на бомбу водой из ведра. Клуды барабанили ногой. Но Коля разорвался засыпал бомбу песком.

Разорвавшаяся огонь был сбит, и теперь Коля, вместе с подоспевшими товарищами Павликом Кузнецовым, бросился к сараю. На земле, у стенки сарая, горела вторая бомба, а рядом, возле штабеля дров — третья.

Десять бомб застучали в этот вечер храбрые ленинградские мальчишки. И только когда было покончено с последней бомбой, Коля почувствовал, как болит у него обожженная нога.

Дорогие друзья! Приближается лето. Огонь и вода могут быть не только друзьями человека, но и врагами. Организуйте летом с помощью взрослых патрули «Вода» и «Огонь». В патруль «Вода» должны водить те, кто хорошо плавает и знает приемы спасения на воде. Особо важное задание плавает тех, кто еще не умеет. Патруль «Огонь» должен следить за брошенными утками, лесом и никуда не всегда затопило полаты и ведра. Осенью БАРАБАН ждет ваших сообщений.

Когда я была маленькой, ты просила маму: «Достань мне соплишки». Мама говорила, что нельзя. Тогда я вылезла на улицу стул и сама стала доставать солнце.

Прислала Северов Виктор
из Осташкова

Мой брат Ваня упал с велосипеда. Мама спрашивает: «Почему у тебя на лбу шишка?» А он говорит: «Этот елки шишка. А у меня велосипедная шишка».

Миша Емеланов
Калинин

Олег надел новые брюки. — Какие у тебя брюки красивые!

— Эти брюки бандероль называются, мне их мама из Кинешева прислала.

Прислала Ира Зоркова
из Горького

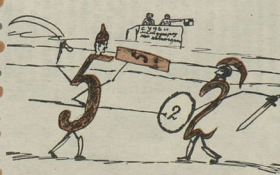

Смотрите все карикатуры! Неизвестного нам Юри! Ну, что ж ты, Юри, так рыдаешь! И голову ажес бодаешь!

Ты не в руках у палача, А в кабинете у врача!

Почтарик
Рисовала Гала Шарбонкина,
Курганская область

Автор этой карикатуры, Олег Артеменков из Маковского, спрашивает: «Как вы думаете, кто победит?» Вот что ответил Почтарик:

Бьется стойко
Рыцарь Дюкья.
Смотрит зорко
Рыцарь Патерка.
Невозможен мир!

Это турнир
Не менее.
Не сабелы.
Верх чей.
Поглядите в табель...

Я учусь в пятом классе. Олимпиады в пионерском четырехборье я установила рекорд: средн 3—5-х классов, взяла 1 м 65 см в высоту, а в длину 3 м 24 см.

Пришла домой, только села за уроки, прибегает Вова и говорит:

— Слушай, завтра в школу придется пораньше, рассказывать о себе.

Не успела я ничего сказать, Вова исчез. Опять села за уроки — приподлетел девчонка из четвертого класса. — Ты должна выступить у нас на сборе.

Говорю:

— Я не могу прийти, я заболела.

А девчонки:

— Ха, первый день чемпи-

пионка, а уже воображала.

Потом приходит моя подруга Вера и говорит:

— Ну, как дела, чемпионка!

— Плохо. Все зовут, уроки делать некогда...

А она говорит:

— Ты откажись. Скажи, у нас выступашу.

— А разве я выступую у вас?

— Подруге откажись! Я забегала по комнате.

Увидела бабушкин сундук, взяла учебники, залезла в шкаф, оставила щелочку и приналась учить уроки.

Лена Ковал,
Якутия,
поселок Сивгир

ДОМИК ДЕТСТВА

ПОЭМА

Свирь течет. Грядой лиловой
С небом лес вошел в родство.
У стены его сосновой
Домик детства моего.
Он казался мне повыше,
Чем теперь. Но память тронь...
Дождь пошел — запела крыша,
Как на празднике гармонь.
Словно солнечные слезы
На стекле и на коре.
Молодым листом березы
Пахнет утро во дворе.
В зеленях цветок картошки
Розовеет, как синяк.
Мчатся ножки по дорожке
В фиолетовый сосняк.
Там оставила окопы
Нам гражданская война
И мальчишеские тропы
В них ныряют, как одна...
Рдеют звезды из фанеры
Над тележной мостовой.
Заливают пионеры
Полдень блузной синевой.
Головными выступая,
Барabanчики палат,
Дети храброго Чапая,
Братья Красных Дьяволят.
Вспоминаю русской печки
Духовитое тепло.
Утром встанешь — на крыльчке
Снегу за ночь намело.
Аржаных калиток к чаю
Бабка Паша напекла.

Ем, горю, души не чаю.
Не отлипнуть от стола.
Пахнет ягодой морошкой —
Медом северных лесов.
На полу играет с кошкой
Желтый зайчик без усов.
То ушастый, то губастый
Перед нею прыг да прыг.
И горбатится цветастый
Домотканый половинок.
Но уже зовет из дому
Красной искрой зимний день
К елкам — к воинству седому —
В богатырках набекрень.
Горка, сдобренная снегом.
А с нее во весь то дух
Лыжи катятся со смехом,
Голубой взметая пух...

В этом домике, бывало,
И стрелял мороз в углы,
И тревога зимовала,
Шагом меряя полы.
Вспоминаю: вечерами
Пес ли, непогодь скулит?
Прижимаюсь молча к маме:
За отца душа болит.
Вот он, ежась от мороза,
Едет Андомой-селом
На открытие колхоза,
А вражина за углом.
Все мне кажется, что это,
Схоронив себя во мрак,
В председателя Совета
Смертью целится кулак.
Но собака рвется с цепи,
Сокрушая глушь дворов.
В меховой ушастой кепке
Входит папа, жив-здоров...
А еще: на миг ошешив,
Вижу, движутся в окне
Две зеленые бекешки
С орденами на сукне.
Веет праздником от встречи.
Гости к нам!
Перед крыльцом,
Развернув сажень плечи,
Обнимаются с отцом.
За столом сидят. Обедом
Угощаются они.
Ух, каким же домоседом
Вдруг я стал, таясь в тени!
Тереблю вихор и слышу:
«Да... Пришлось подставить грудь.
Просто так «барону» Кышу
Шею было не свернуть».
Подкатилось к ночи время.
Скоро поезд в Ленинград.
«Ну, пора и ногу в стремя!» —
Наши гости говорят.

Вешний день стоит в окошке.
 Первой травкой вдоль ручья
 Мчатся ножки по дорожке —
 Тороплюсь к ребятам я.
 Рапортую им, в запале
 Пулеметом говоря:
 «А у нас-то гостевали
 Комиссары Октября!..
 А прощались — в стремя ногу!..
 А награды как блестящие!..
 Мама пряженцев в дорогу
 Навязала целый плат...»

Домик детства! Все — впервые:
 Снег черемуки весной,
 Леса запахи грибные,
 Шум и тишь воды речной.
 Все — впервые и навечно.
 И как злак, за годом год
 В глубине твоей сердечной
 Все из этого растет.
 Не забуду, не забуду
 До скончания дней своих:
 В этом домике, как чудо,
 Я услышал первый стих.
 Из какой-то первой книжки
 В самый первый школьный час
 Поначалу понаслышке
 Он явился и потряс.
 Не забуду, как под вечер
 Зажигала часто мать
 Стеариновые свечи —
 Керосина не достать.
 Вот сидишь перед огарком
 И читаешь по складам.
 Но зато каким подарком
 Стал огонь, в сиянье жарком
 Прибежав по проводам!
 Уж давно успел пролиться
 По вискам седой дымок,
 А во мне живет, златится
 Тот чудесный огонек.
 И в любую непогоду,
 Отточив карандаши,
 Как могу, служу народу
 Светом слова и души.
 Никогда до сей минуты
 Ни вблизи, ни вдалеке
 Я не думал почему-то
 О присви́рском городке,
 Где, дымясь грядой лиловой,
 С небом лес вошел в родство
 И припал к стене сосновой
 Домик детства моего.
 Словно жизненная вышка,
 Он сейчас передо мной.
 В нем теперь другой мальчишка
 Начинает путь земной.
 В те же самые оконца
 Смотрит он, встречая день.
 Так же их ласкает солнце
 И слепит ночная тень.
 Коль предстанет, перед ними,
 Прокалясь в огне, в дыму,

Уж картинами иными
 Детство вспомнится ему.
 Не в окоп нырнет старинный,
 Где лесной песок-зола,
 А в траншею, что малиной
 Да калиной заросла.
 Память детства за раскатом
 Перестрелки фронтовой
 Встанет бронзовым солдатом
 У черты береговой.
 И живым дождем закапав,
 Вдруг наполнит до краев
 Синюю неба чаши маков
 На холме былых боев...
 Вот смотрю на окна эти
 В бликах зимнего огня
 И горжусь, что был на свете
 Домик детства у меня.

Рисунки
 Е. Галеркиной

ИЗ ФРОНТОВЫХ БЛОКНЕТОВ ПОЭТОВ И ХУДОЖНИКОВ. ИЗ СООБЩЕНИЙ РАДИО И ГАЗЕТ

М. Дудин

Во всей красе распахнутого лета
Как много солнца и как много света,
Улыбок ясных, поцелуев, слез
Мне в этот день увидеть довелось
На площади Дворцовой.

Четким строем
Прошли войска. Хвала и честь героям,
Достойно отстоявшим Ленинград!
Они пришли с победою назад.
О, как они нам дороги, как любви,
Как радостью весь город окрылен...
И снова гром, и снова трубы, трубы,
И шествие развернутых знамен.
Был путь тяжел. Победы праздник светел.
Величествен церемониал,
Когда ведет геройский генерал
Своих орлов гвардейских.

Я заметил
Ту радость, осенившую народ,
Которой мне не подобрать названья.
Благословенный полдень ликованья.
Весь мир в цвету. Они прошли вперед.
Я видел лица, блеск военной стали,
На гимнастерках звонкие медали,
На темных касках пуль тяжелый след,
Литого солнца золотую россыпь,
И этот шаг — торжественную поступь.
Воистину им равных в мире нет!
1945

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О НАГРАЖДЕНИИ ГОРОДА ЛЕНИНГРАДА ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

За выдающиеся заслуги трудящихся Ленинграда перед Родиной, за мужество и героизм, дисциплину и стойкость, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками в трудных условиях вражеской блокады, награжден город Ленинград орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН
Москва, Кремль, 26 января 1945 года

«Адик Неверко родился в деревне Слобода Минской области. Ему 12 лет. Недавно Адик был в Москве. В Кремле ему была вручена медаль «За отвагу». Адик — юный партизан. Он мстил фашистам за убийство отца и матери: спустил под откос железнодорожный эшелон врага».

«Пионерская правда», 30 января 1945 года

«В последние дни советские войска одержали ряд новых великопленных побед. Одной из наиболее значительных операций всей Отечественной войны было окружение восточно-прусской группировки противника. Еще в начале зимнего наступления войска 2-го Белорусского фронта гигантским броском достигли побережья Балтийского моря и отсекли немецкие дивизии, находившиеся в Восточной Пруссии, от центральных районов Германии. В ходе Отечественной войны Красная Армия, наступая против немецко-фашистских сил, пересекла границы десяти европейских государств».

«Правда», 30 мая 1945 года

«15 и 16 апреля авиация Краснознаменного Балтийского флота нанесла удары по кораблям и транспортам противника в порту Пиллау и в открытом море северо-западнее Пиллау. В результате этих ударов потоплены 8 транспортов общим водоизмещением в 46 000 тонн, траульщик и 14 сторожевых катеров противника. Кораблями флота потоплено 2 немецких эсминца».

«Правда», 19 апреля 1945 года

ОБ ОТМЕНЕ ЗАТЕМНЕНИЯ В ГОРОДЕ МОСКВЕ

В соответствии с решением Правительства с 30 апреля сего года в г. Москве отменяется затемнение и разрешается нормальное освещение улиц, жилых домов и других зданий.

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО. ОПЕРАТИВНАЯ СВODКА ЗА 30 АПРЕЛЯ 1945 ГОДА:

«Сломив ожесточенное сопротивление противника, советские воины утром 30 апреля ворвались в здание рейхстага. Прокладывая себе путь огнем из автоматов, бойцы-коммунисты Загитов, Лисценко, Маков, Минин достигли крыши здания и водрузили там красный флаг».

...В ночь на 1 мая разведчики Егоров и Кантария водрузили на фронтоном рейхстага знамя Военного Совета 3-й ударной армии».

«Войска 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова при содействии войск 1-го Украинского фронта, под командованием Маршала Советского Союза Конева, после упорных уличных боев завершили разгром берлинской группы немецких войск и сегодня, 2 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлин».

«Красная звезда», 4 мая 1945 года

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ 9 МАЯ ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ

В ознаменование победоносного завершения Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков и одержанных исторических побед Красной Армии, увенчавшихся полным разгромом гитлеровской Германии, заявившей о безоговорочной капитуляции, установить, что 9 мая является днем всенародного торжества — Праздником Победы».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН
Москва, Кремль, 8 мая 1945 года

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА СНАЙПЕР ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ВЕЖЛИЦЕВ
Рисунок П. Луганского

КОНЦЕРТ
Литография
П. Луганского

В первые же дни войны я ушел защищать родной Ленинград. Командовал стрелковым взводом, но очень скоро был тяжело ранен.

До конца войны работал художником во фронтовой газете. Дела хватало: сегодня рисуешь портрет воина, завтра — зарисовку боя, послезавтра — политическую карикатуру. Но я дал себе слово, что обязательно сделаю серию литографий и гравюр, на которых нарисую все, что потрясло меня в те дни: и бойцов, приходивших на концерт с вещмешком за плечами и винтовкой в руках, потому что среди танца или острой частушки мог раздаться сигнал боевой тревоги, и переправу на маленькой лодочке под ливнем огня, и многое другое... И назвать эту серию «Жизнь солдата».

Я сдержал это слово.

П. Луганский

БОЕВЫЕ НАГРАДЫ РОДИНЫ

Победой советского народа закончилась Великая Отечественная война.

Отгремели залпы салютов. Мирным трудом занялись воины. Бережно были уложены в семейные шкапулки ордена и медали. Только по праздникам на новый пиджак надевает транкострел или учитель свои боевые награды.

Какими же наградами отмечала Родина подвиги своих сынов — солдат, матросов, офицеров, генералов, маршалов?

Их много, орденов и медалей — за освобождение городов, за храбрость, за умение воевать.

... Когда в твой класс придет ветеран Великой Отечественной и будет скупно рассказывать о себе, о том, как он воевал, — взгляди в ордена и медали на его груди...

Разные были награды у воинов, но есть одна, которой был награжден каждый — медаль за победу над гитлеровской Германией.

Почти пятнадцать миллионов воинов было награждено этой медалью...

Переверни страничку, и ты увидишь боевые награды Родины.

БОЕВЫЕ НАГРАДЫ РОДИНЫ

Медаль
"Золотая
Звезда"

Орден Ленина

Орден „Красное Знамя“

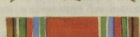
Орден Славы
1 степени

Орден „Красная Звезда“

Орден
Отечественной войны
1 степени

Орден „Победа“

Медаль „За отвагу“

Медаль „За оборону
Ленинграда“

Медаль „За оборону
Москвы“

Медаль „За оборону
Одессы“

Медаль „За оборону
Севастополя“

Медаль „За боевые заслуги“

Медаль „За оборону
Сталинграда“

Медаль „За оборону
Киева“

Медаль „За оборону
Кавказа“

Медаль „За оборону
Запорожья“

Орден Суворова
1 степени

Орден Кутузова
1 степени

Орден
Александра Невского

Орден
Богдана Хмельницкого
1 степени

Орден Нахимова
1 степени

Орден Ушакова
1 степени

Медаль Ушакова

Медаль „Патриоту
Отечественной войны“
1 степени

Медаль „За освобождение
Варшавы“

Медаль „За освобождение
Праги“

Медаль „За освобождение
Белграда“

Медаль „За вятие
Будапешта“

Медаль Нахимова

Медаль „За вятие
Кенигсберга“

Медаль „За вятие
Вены“

Медаль „За вятие
Берлина“

Медаль „За победу
над Германией
в Великой
Отечественной войне
1941–1945 гг.“

Медаль „За доблестный труд
в Великой
Отечественной войне
1941–1945 гг.“

СЛОВО О ДРУГЕ

Я. Липкович

К. Конаплицкий

Фото военных лет

Всякий раз, когда я перечитываю «Василия Теркина», я вспоминаю своего фронтowego друга Кирилла Конаплицкого, хотя, на первый взгляд, между литературным героем и живым человеком, которого я знал и любил, общего не так уж много. И жизненные судьбы у них разные, внешне они не похожи. И все же в главном они необыкновенно близки друг другу. Точно сыновья братья, которые вымахали под одним небом, закалялись на одних ветрах и в один день и час вышли на смертный бой против общего врага.

Того и другого невозможно было ни устроить, ни согнуть, ни убить...

Войну Кирилл начал механиком-водителем танка. Командовать танком он стал потом, после окончания училища.

В сражении под Москвой его танк БТ-7 завязал неравный бой с фашистскими танками и два из них побил, а третий обратил в бегство, а потом еще уничтожил четыре бронемашин и орудие. В этом бою Кирилла ранило. Он вернулся в строй, когда началась Сталинградская битва. Был эпизод, когда тяжелый танк Кирилла стоял на Мамеевом кургане, как раз там, где сейчас возвышается скульптурная фигура Матери-Родины, и в упор бил по наседаниям гитлеровцам. На Курской дуге его танк прорвался к штабу фашистской дивизии, разгромил его и благополучно доставил командованию важные документы, в том числе карты минных полей.

Только за два года войны Кирилл лично побдил тридцать пять танков, самоходных орудий и бронетранспортеров. А если к этому добавить вражеские машины, выведенные из строя танками его роты, то получится целое кладбище покоренной и сожженной пражской Техники.

Жизнь Кирилла постоянно вилась на волоске. Вокруг падали бомбы, рвались мины и снаряды, свистели пули. Кирилл вместе с мотострелками ходил в атаку и дрался врукопашную. Погибали боевые друзья. В жестоких танковых боях он сменял семь машин.

Но смерть все обходила его стороной. Он поражал врачей своей нечеловеческой живучестью. Однажды его привезли в армейский госпиталь — без сознания, парализованного. Он долго и мучительно умирал. И все-таки что-то настораживало и смущало врачей, наблюдавших за этой напряженной и упорной борьбой со смертью. Кирилла отправили самолетом в Москву. По дороге самолет был атакован фашистским «мессершмитом» и с трудом ушел от преследования. На московском аэро-

Рисунок А. Аземши

дроме медицинская сестра решила, что Кирилл мертв. Его на носилках положили в пустой холодной комнате. Через несколько часов туда пришел врач, чтобы официально установить смерть. Он взялся за безжизненную руку и неожиданно уловил еле заметные толчки пульса. Кирилла немедленно доставили в клинику. Три месяца он не двигался, не говорил, не слышал, не видел. И все-таки смерти пришлось отступить. Вскоре Кирилл уже передавался самостоятельно. О нем писали в медицинских статьях, его показывали студентам-медикам.

Когда через год после этой тяжелой контузии Кирилл вернулся в часть, друзья подарили ему стальное кольцо с надписью на внутренней стороне: «Прохорова, 1943». Кольцо выточили из брони фашистской «пантеры», побитой Кириллом на Курской дуге. Но этот подарок оказался прощальным. Врачи запретили Кириллу воевать в танке.

С танковыми частями Кирилла, однако, не расстался. Его назначили начальником разведки танковой бригады. Это была не меньшая ответственность и не меньшая опасность. Талантливый танкист оказался талантливым разведчиком.

Невозможно припомнить случая, чтобы Кирилл не выполнял боевого задания, не добыл «языка».

Помню день 16 января 1945 года. Наша танковая бригада освободила старинный польский город Ченстохов. Первым в него ворвался батальон дважды Героя Советского Союза Семена Хохрякова. Пока танки с боем пробивались к центру города, разведчики Кирилла на трофейных бронетранспортерах проскочили по боковым улочкам на западную окраину. Там они взорвали железнодорожные пути перед переправой на правый фашистскими эшелонами с танками и боеприпасами. Майор Конаплицкий со спокойным и деловым видом направился к группе вооруженных до зубов гитлеровцев. Столпившись у вагонов, они напряженно ждали. Их намерения были неясны. Они могли и начать сдаться, и открыть огонь. Похоже, что на них больше всего подействовало спокойствие советского офицера. Я видел, как Кирилл все ближе подходил к фашистам. И вот на шлеме полетел первый автомат, а за ним загремели о рельсы и другие.

Через несколько дней разведчики совершили ошеломляющий рейд по глубоким тылам врага. Вот что об этом говорится в наградном листе на Кирилла Конаплицкого:

«22 января 1945 года, непосредственно руководя разведдозором, товарищ Конаплицкий проскочил в город Грошовиц на реке Одер и перебил охрану шлюза, имевшую задачу взорвать его и тем самым воспрепятствовать переправе советских войск на ту сторону. Оставив охрану у шлюза, с небольшой группой разведчиков быстро переправился по льду на западный берег Одера и удерживал плацдарм до прихода главных сил бригады».

В этих немногих строках говорится лишь об итогах рейда. Остались за пределами документа и семидесятикилометровой марши по вражеской земле, и разгром двух фашистских колонн, и захват нескольких «языков», которые и рассказали о том, что готовится взрыв шлюза. Если бы шлюз был взорван, вся округа оказалась бы под водой и форсировать Одер на этом участке, в ледяной каше, было бы невозможно.

Когда Кирилл со своими разведчиками ступил на лед реки, фашисты открыли ураганный огонь из орудий и минометов. Лед был разбит. Разведчики под обстрелом перепрыгивали с одной лодки на другую. Несколько человек погибло, остальные бросились в атаку и захватили первые метры промерзлого берега. Потом они отбивали танковые атаки. В последний момент подоспела помощь.

Таких эпизодов в жизни Кирилла было много.

Последний раз я видел Конаплицкого под Берлином. Там он был снова контужен...

А в прошлом году вышла моя книга военных повестей и рассказов. И вдруг — письмо из Калинин. Фамилия на конверте неразборчива. Раскрываю конверт, читаю:

«Дорогой мой фронтовой друг! Ты не представляешь себе, как радостно находить товарищей по фронту. Снова все восстанавливается в памяти — и тяжелое, и светлое...»

Подпись — Кирилл Коноплицкий!

Через несколько дней я был в Калинин. Меня встретил Кирилл — постаревший, но все такой же рыцарственный. Тот же внимательный взгляд. Та же быстрая походка. Та же манера уважительно слушать собеседника.

Я смотрел на героя своей юности и с необыкновенной легкостью вспоминал фронтовые дни. Я ничего не забыл. Конечно, этому помогло мальчишеское обожание, с которым я относился тогда к Кириллу. Когда на фронте он обращался ко мне, я был самым счастливым человеком на свете. Будто орден получал из его рук.

Дни ноябрьского праздника я провел у Кирилла. Он все время звонил по телефону строителям, по вине которых задерживалась сдача объекта — цеха минеральных удобрений.

В промежутках между звонками мы вспоминали друзей и боевые эпизоды.

То и дело почтальон приносил поздравительные телеграммы. Приходили товарищи Кирилла по работе, знакомые, родственники. Как на фронте тридцать лет назад, моего друга окружали всеобщая любовь и уважение.

И так было всегда. Через всю жизнь Кирилла протянулась золотая цепочка человеческих привязанностей. За ним ходили по пятам мальчишки в годы его детдомовского детства. Ему до конца доверял в бою его гвардейский экипаж — Белинский, Мамонов, Пиляй, Черевач. Во время атаки политрук роты, тульский рабочий Федор Иванович Люлин, высочил из укрытия и пошел за танком Кирилла — так за него волновался и хотел уберечь от гибели. А лейтенант Удовиченко прикрыл Кирилла своей грудью и погиб этой самой прекрасной из смертей. Вот и сейчас по нему равняются, видя в нем высокий человеческий образец, товарищи по работе.

Да что говорить о других, когда и я сам, видевший за свои полвека несчетное множество людей, отвечал тебе, дружище, место в своем сердце — и ни разу не пожалел об этом...

**Антонина
Ивановна
Святина,**

во время войны
боец части
противовоздушной
обороны, минер

какой-то деревушке, когда фашисты отступали, а мы шли с нашими частями и разминировали поля, нашли огромную нерасорвавшуюся бомбу. Была я тогда командиром отделения. Взяла с собой двух солдат, девушек. Прихватили веревки метров 50. На конце ее — кошка. Зацепили бомбу кошкой и потащили потихонечку в поле, подальше от деревни. А бомба тяжелая, килограммов 100, по ровному месту тащится плавно, а как за кочку зацепится, приходится подходить и сдвигать ее с места.

Минные поля, которые немцы после себя оставляли, легче было разминировать — у них мины всегда в строгом порядке были расположены, две-три найдешь и примерно

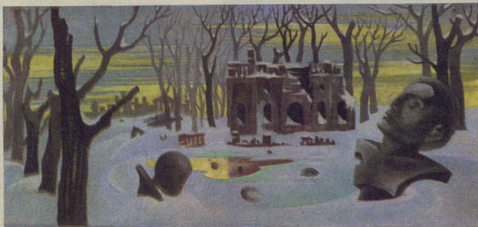
знаешь, где остальные. Искали мы их миноискателями, шупами. А еще собаки нам помогали. Маленькие такие, лохматенькие. Вот бежит она по полю, потом сядет и залает, значит, тут противотанковая зарыта.

А еще рассказывала я сыну о том, как мы город Пушкин разминировали. Весь передний край, когда фашисты отогнали, оградили колючей проволокой, а боеприпасы из сожженных домов выносили, складывали и подрывали.

Недавно мы с Володей снова ездили в Пушкин. Вошли в Екатерининский дворец. А там на стене большая фотография города и дворца, снятая в те дни, когда мы этот город разминировали. Так я экскурсовода и не слышала...

В шесть утра 9-го мая я услышала сообщение по радио: война закончилась полной победой над фашистами. Я быстренько собралась, взяла сына Володю из детского дома, где он у меня был почти всю войну, пока я служила. И провели мы с ним целый день вместе, первый день за четыре года.

Рассказывала я сыну о том, что делала во время войны, вспоминала, как в 1944 году в

ОТЕЦ

— Теперь мы сядем на кошму, как два мудреца, и, скрестив ноги, будем, оглаживая бороды, вести неторопливую беседу.

Кошмы у них не было, поэтому папа сел в кресло, а Олег пристроился на ковре возле него.

— Сперва я тебе расскажу. Хочется тебе услышать о Голодной степи, о каналах, напоявших эту степь водой, ожививших ее, как будто это не каналы, а кровеносные артерии? Хочешь, я расскажу тебе о совхозе «Малек»? Он стоит на месте солончаковых мертвых земель. «Малек» — переводится: «Найдешь — останешься живым». Вокруг была только бесконечная белая раскаленная соль. Солнце хозяйничало, выжигая последние живые кусты. И где-то был единственный колодец. Но где? Найдешь его, дойдешь до него, дополнишь — будешь жить!

— Пап...

— Подожди!

Расставив на ковре пиалы, отец налил чай, пододвинул к Олегу халву.

— Итак, насколько я понял из твоих слов, ты заинтересовался судьбой...

— Подожди! — Олег вскочил и вытащил из своего письменного стола небольшой синий альбом.

Подержав альбом на руке, отец оглядел его снаружи, медленно открыл первую страницу и увидел портрет веселого беззубого человека с лучистыми умными глазами.

ДНЕВНИК ДОКТОРА ВОЛКОВА

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Сергей Давыдов

Рисунки Ю. Шабанова

«Антуан де Сент-Экзюпери опять в строю. Должданное разрешение на полеты получено. Генерал Икерт преподносит ему как личный подарок право на пять боевых вылетов...»

— Видишь: «как личный подарок»! — поднял голову отец. Он стал читать дальше:

«...Разведывательные полеты над Францией и Италией. Фото съемка военных объектов. К пяти разрешенным полетам добавилось еще четыре...»

— Если бы не эти четыре!

С усмешкой поглядев на Олега, отец пояснил:

— Если бы эти четыре полета окончились благополучно, Экзюпери вырвал бы еще пять, потом еще. Он был настоящим солдатом и прекрасным писателем...

— Он пошел на таран! Он не любил проигрывать.

Отец долго молчал, потом сказал тихо:

— Ты еще не понимаешь. Я видел войну. И на моих глазах погибли товарищи. Они не таранили врага, не закрывали собой амбразуру, но они, — отец с силой произнес «они», — воевали с фашизмом. Вот что важно! Об их гибели тоже было написано две строчки.

— Где написано?

— В справках. Как у тебя в альбоме: «Пилот не вернулся». Я тебе рассказывал, что у меня погиб друг. В блокаду. Тоже при неизвестных обстоятельствах.

— Кто это? Тот самый, что врачом был?

— Да. После войны я пытался навести справки о его гибели, но... В Ленинграде столько людей тогда искали своих близких. Ничего не удалось узнать.

Замолчав, отец подпер подбородок ладонью. Ведь был на фронте с четырнадцати лет. Прошел от Ленинграда до Восточной Пруссии. Кем он только не был! И разведчиком, и снайпером, и командиром взвода... Но нет — про Голодную степь целый час рассказывал, только слушай. А спроси его про войну, пожмет плечами и все.

— Я и сейчас не бросил поиски. В прошлом году разыскал его дневник.

— Я знаю. Дневник доктора Зайцева?

— Не Зайцева, а Волкова, — отец как-то странно поглядел на Олега. — А что ты еще знаешь?

— Что еще? По одним сведениям, он, кажется, что-то совершил... героическое.

— Продолжай, продолжай. А по другим сведениям?

— По другим... ничего не мог совершить. Ну, смелого.

— Та-ак. Трус, выходит, был? — отец рывком вскочил с тахты, шагнул к окну. — Это

был чистейший человек. И я уверен, что он погиб как герой. Я докажу!

— Когда же? — тихо спросил Олег. И сам сказал: — Тридцать лет прошло.

ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ

В этот вечер отец улетел в командировку. В свою Голодную степь.

Во дворе смеялись девчонки. Их голоса долетали до девятого этажа.

— Олег... — позвала мама. — Ты видел у него шрам? — она провела рукой по подбородку.

Олег, конечно, видел шрам.

— Царапина.

— Царапина... — покачала головой мама. — Пожар у них там был. Вот это что. Я сразу догадалась, что он что-то скрывает.

**Юрий
Сергеевич
Руссин,**

контр-адмирал,
в годы войны
командир
подводной лодки

Фото военных лет

Для экипажа нашей «Л-21» день 9 мая был и праздником и все еще боевым днем.

Мы только что пришли из трудного похода в Южную Балтику, где наша лодка потопила несколько вражеских кораблей. Торжественная встреча на пирсе, зачитан приказ Верховного Главнокомандующего — «За умелые действия всему экипажу объявить благодарность». А в центре звезды, укрепленной на рубке, появилась уже новая цифра — пять кораблей противника пустили ко дну наши торпеды в последнем походе.

Но почему все же — «боевым днем»!

Дело в том, что, хотя фашистская Германия капитулировала, из ее портов, как сообщала разведка, то и дело пытались уйти подозрительные корабли. Предполагалось, что на них стараются скрыться важные военные преступники и вывозятся особо ценные грузы. Каждый корабль бывшего германского флота должен был подняться в знак сдачи черный флаг.

Вот к поиску таких кораблей, не поднявших черного флага, срочно и готовился в день Победы наш экипаж.

10 мая мы снова были в море...

— Пожар? А он мне не говорил. Как ты узнала?

— Как всегда! Пошла в Публичную библиотеку и разыскала газеты, выходящие в Узбекистане. Отец спасал людей, гасил огонь. Вот так, сынок. А мы ничего не знаем... он в больнице лежал, а нам веселенькие письма слал... Да... он велел тебе передать... Сказал, что все у тебя в столе.

— Что? Что у меня в столе?!

— Не знаю, — она махнула рукой. — По-смотри.

Он сразу узнал эту голубоватую толстую бумагу, испещренную мелкими четкими буквами. Пакет доктора Волкова! Олег почувствовал, как у него застучало сердце. Отец оставил ему пакет. Значит, отец доверяет ему это важное дело!

Олег хотел уже вскрыть пакет, но тут увидел в ящике стола свернутый вчетверо лист бумаги. Записка от отца.

«Алька, — писал отец, — оставляю тебе дневник Волкова. Записи здесь очень отрывочны. Разберешь ли? Дело происходило на заводе в Гавани, помнишь, где мы были? После войны я был там, но ничего выяснить не удалось. Может быть, ты сумеешь? Береги маму. Целую тебя, сынок».

ДОКТОР ВОЛКОВ

Еще в школе его звали «доктор». Не дразнили, а звали. Большая разница.

— Папа — кардиолог. Я буду хирургом-травматологом, — говорил он.

К началу войны Борис Волков окончил четвертый курс медицинского института.

Двадцать второго июня вечером Борис увидел во дворе толпу. Прибыли грузовики из военкомата за первыми добровольцами. Борис не стал долго раздумывать.

Через два месяца после начала войны фашисты прорвали фронт под Лугой. Борис Волков находился в медсанбате. Первое время он был ассистентом у главного хирурга, но вскоре уже оперировал самостоятельно. Войска вели тяжелые бои, и Волков потерял счет времени и количеству операций. Здесь и проявился твердый характер молодого хирурга. Он мог работать, не думая о сне, отдыхе, еде. Иногда он оперировал прямо в землянках, сотрясаемых артобстрелами, а иногда даже приходилось самому брать автомат и отстреливаться от наступающих врагов.

Однажды, уже в феврале 1942 года, он пробирался по траншеям к себе в медсанбат и услышал стоны за высоким бруствером. Волков перебрался через бруствер и сразу же наткнулся на трех подростков. Двое были убиты. Третий беспрерывно стонал. Волков потащил его к брустверу. Мальчишка вдруг открыл глаза и

проговорил: «Я знаю вас... вы доктор Волков. Я — Кислицын, из вашего дома...» Волков приказал ему замолчать и потерпеть, пока он перетащит его через бруствер. Но в тот момент, когда Волков с парнишкой на спине уже заполз на бруствер, почти рядом с ними застучал вражеский пулемет и пуля ранила доктора в левую руку пониже локтя.

После этого случая судьба доктора Волкова круто изменилась.

Главный хирург медсанбата подписал направление, сердито прихлонул его печатью и со вздохом протянул его Волкову.

— Поезжайте в Ленинград. В хороший госпиталь вас направляют. Массаж, процедуры, и месяца через три ваша рука заработает как миленькая.

— Зачем, Вадим Антоныч? — Волков взял здоровой рукой направление. — Вы же знаете, я практически здоров, а рука... Я бы мог быть полезным у вас. Консультации, ночные дежурства, все что угодно.

Главный хирург был ненамного старше Волкова, но от бессонницы и смертельной усталости выглядел стариком.

— Оставить вас не могу. Вы... положите в госпиталь, а там... судьба определится. А за службу благодарю. Лучшего хирурга мы бы и не мечтали иметь...

Четыре дня пробыл Волков в госпитале. И впервые с момента своего ранения увидел, что он нужен и с одной рукой. В переполненный госпиталь без конца прибывали раненые. Санитарные машины шли из-под Пулковки и Колпино, с ладжской Дороги жизни. По ночам привозили раненых после бомбежек, днем после артобстрелов.

Волков помогал измотанным врачам принимать и распределять раненых, подменял по ночам медсестер на дежурствах, помогал операционным сестрам на перевязках.

На пятый день его позвали к начальнику отделения.

— Нужна ваша помощь. Там, куда мы предлагаем вам пойти, тоже фронт, и могут быть раненые. А врачей у нас нет. Если бы вы...

— Я готов.

Ему объяснили задание.

Для улучшения артиллерийской наводки срочно понадобилось сделать партию сложных приборов.

Большинство заводов было эвакуировано. Умелые специалисты тоже.

С трудом удалось найти цех в Гавани. До войны там был большой завод. Теперь остались лишь пустые корпуса — станки перевезли на Урал.

В одном цехе станки все-таки стояли. Под цехом был подвал. Там поставили печку, наладили вентиляцию, принесли туда деревянные топчаны.

Удалось найти и специалистов. Все они были стариками, ослабшими от голода.

Но у них были умелые руки. И они готовы были выполнить задание для фронта.

С ними обязательно должен был пойти врач.

Специалисты пришли на завод вместе с Волковым.

Несколько дней они жили в темном подвале, который прозвали «санаторием». Ждали, пока дадут свет.

Все это время подвал освещался лишь пламенем печурки.

Доктор Волков годился им во внуки, но старики послушно выполняли его требования.

Каждый день доктор осматривал стариков, давал лекарства, отправлял их на улицу для разминки. Завод адски обстреливался вражеской артиллерией, и минут, годных для разминки на свежем воздухе, было немного.

Однажды, пробираясь за чистой водой к заливу, доктор Волков наткнулся на раненого. Это был Жаворонков — лучший токарь завода. Он шел к «санаторию», попал под артобстрел, и осколок угодил ему в ногу.

Волков дотаскил Жаворонкова до подвала, хотя сам уже не раз терял сознание от голода.

Жаворонкову надо было делать срочную операцию.

Но как ее сделаешь, если у самого одна рука словно мертвая.

Уже была выполнена половина задания.

И снова исчез ток, снова остановились станки.

Раненый Жаворонков лежал в самом теплом углу на топчане и часто впадал в забытие.

Если бы у Волкова работали обе руки, на эту операцию ушло бы минут сорок. Но одной рукой даже не заточишь карандаша — какая уж тут хирургия!

Или операция — и тогда Жаворонков уже через неделю будет ходить.

Или — гангрена и смерть.

Это доктор знал точно.

И тогда он решился...

На этом обрывался дневник доктора Волкова.

Он обрывался на полупhrase. И Олег не знал, что произошло там, после этой фразы, в темном подвале, где лежали ослабевшие от голода старые рабочие, где в самом теплом углу около печки бредил раненый Жаворонков, где метался, мучаясь от собственного бессилия, доктор Волков.

Было ли выполнено фронтовое задание?

Что стало с Жаворонковым?

Почему оборвал свой дневник доктор Волков?

Эти вопросы теперь мучали Олега и днем и ночью.

СЫН ЭНЕРГЕТИКА

Опять всю ночь лил, не переставая, дождь. Такой уж мокрый июль в этом году. У проходной не лужа, а море целое и все стекла забрызганы машинами.

— Что в машине? — спросила пожилая охранница у шофера.

— Совершенно пустой! Загружаться приехал.

«ЗИЛ» покати́л по заводскому двору мимо

юрких электрокаров, мимо грузового трамвая, на который подавали груз разлапистые автокраны.

Вытащив ключ от зажигания, шофер повернулся, громко присвистнул.

— Пока я считаю до трех... А ну!

В кузове сидел на короточках какой-то пацан лет двенадцати. Докатался! Заехал на завод, пусть сам выбирается, как хочет!

Шофер выскочил из кабины и, подбежав к заднему борту, замахал руками.

— Можно мне здесь посидеть? Пока вы обедаете, — спросил парнишка простуженным голосом.

— Думаешь, назад повезу? Бр-р-рысь!

Парнишка поднялся вздохнув. Был он худенький, взъерошенный, в промокшей спортивной курточке, на ногах кеды.

Дождь льет и льет, Олег совсем промок, но так еще и не придумал, что делать дальше. Всегда с ним так случается: думал, мне бы только на завод попасть. Ну вот, попал, а дальше что? Куда теперь?

— Эй, сынок!

Дорогу загородили две женщины в комбинезонах.

— Ты что коньнешь? Как сюда попал?

Ну вот и все!

— Клавка! — неожиданно сказала одна из женщин. — Да ты не узнаешь, что ли? Ну, посмотри, чей это сын!

Вот новость. Его тут знают, оказывается!

— Да ты только посмотри, ему за отца деньги можно выдавать без всякой доверенности! Вот похож, так похож! Верно, Клавочка?

Пожилая Клавочка спросила басом:

— Да на кого? На Комякина, что ли? На энергетика?

— Да конечно! Ну! Беги к нему скорей, не мокни. Во-он в тот корпус, а там спросишь, куда идти.

— Да что он, дороги к отцу не знает, — сказала Клавочка, — не в первый же раз... Только сперва пусть зайдет в прокатку, обсохнет.

— А где прокатка? — вырвалось у Олега само собой, потому что он на память помнил строки из дневника доктора Волкова: «...Прокатка — огненное сердце завода — погасла. На месте печей — руины, крыша сгорела. Без нее завод мертв...»

— А это что перед тобой? — показала Клавочка на закопченное здание, из дверей которого, отчаянно звеня, выкатывался грузовой трамвай.

Олег подождал, пока трамвай пройдет, и юркнул в автоматически закрывающиеся двери прокатки.

Пламя гудело и летало в огромных печах. Большими белыми языками высовывалось сквозь отверстия в заслонках, дышало шумно, с подвыванием.

Боясь, как бы его не заметили и не прогнали прочь, Олег держался поближе к дверям. Но когда коренастый прокатчик в войлочной шля-

не и валенках, стоящий на небольшом возвышении посередине цеха, позвонил в колокол и два другие прокатчика, тоже в таких же шляпах и валенках, длинными крючьями стали выдергивать из печей раскаленные белые болванки и бросать их вниз на пол, ноги сами понесли Олега поближе к печам.

Стоящий на возвышении прокатчик что-то крикнул, повернулся к пульта управления и нажал несколько красных кнопок. И сразу же белые болванки подпрыгнули и понеслись вперед. Только тут Олег увидел, что они упали не на пол, а на дорожку из роликов, которые, вращаясь, несли болванки к высокому станку, перегораживающему половину цеха. Как только болванки докатились до станка, тут же завражались на нем большие блестящие валы, с грохотом втянули они болванки и стали их мять и вытягивать. Как ириски. Пролетев на другую сторону станка, болванки тут же вернулись назад, потом все повторилось. Прошло немногим более минуты и вместо болванки по железу полу заелозила дымящаяся тонкая проволока. Прокатчик сошел с возвышения, взял щипцы и, поймав ими конец проволоки, заправил его в железный барабан. Теперь стал вращаться барабан, наматывая на себя проволоку. Смотав ее всю, барабан резко остановился, и проволока, теперь уже смотанная бухтой, соскочила с него и тут же была подхвачена на специальный крюк и помчалась под постком в другой конец цеха. Тут же вновь зазвенел колокол и снова, словно ветер, налетел жар — открылись печи, и снова помчались белые болванки с темными веснушками окислы к сверкающим валам прокатного стана.

— Пошла-а! — крикнул коренастый прокатчик и, развернув в свою сторону лопасти большого вентилятора, отдохнул несколько мгновений под сильной прохладной струей.

Олег увидел, что прокатчик пальцем манит его к себе.

«Сейчас прогонит», — подумал Олег подхо-
дя.

— Попить принеси, паря! Вот у стенки автомат. Только полную кружку! — быстро сказал прокатчик и побежал ловить щипцами проволоку.

У автомата не было щелки для монет. Олег подставил под краник внушительную кружку и потянул рычажок. Газировка полилась без всяких денег. Потянул еще раз, и кружка наполнилась доверху. Ему самому хотелось пить, губы запеклись от такой жары, но надо было сперва напоить прокатчика.

— Спасибо, паря! — сказал прокатчик и вернул Олегу пустую кружку. Голос у прокатчика был хриплый. Наверно, от жары.

— Можно и мне попить?

— Давай! Конечно! — засмеялся прокатчик. — Ты с экскурсией? У нас часто экскур-
сии.

Олег смешался, не зная, как лучше ответить, но прокатчик уже звонил в свой колокол. Только в этот раз он позвонил иначе: часто-часто,

словно звал кого-то. И действительно, в цехе появились новые прокатчики. Они сменили и тех двоих, что стояли с крючьями у печей, и этого коренастого.

Коренастый подошел к Олегу.

— Смена. Пойдем отдохнем.

— Я здесь побуду.

— Пойдем, пойдем. Тут рядом. На кого-то ты похож... не могу вспомнить! Тебя как зовут? Меня — Строганов.

— Меня — Олег. Верно, что прокатку зовут «сердцем завода»?

Строганов остановился и поглядел на него, сдвинув рыжие от огня брови.

— Как? Сердце завода? — он улыбнулся.

Это хорошо. Наша продукция идет по всем цехам. Как кровь. Без нее цехам делать нечего!

— А если вы остановитесь?

— Быть этого не может, Олег!

— Было же. В войну. Тридцать лет назад.

И Олег процитировал строки из записок доктора Волкова: «Прокатка — огненное сердце завода — погасла. На месте печей — руины, крыша сгорела». «Я стараюсь сберечь рабочих — это золотое наше, — продолжал Олег, — лечу их в единственном уцелевшем подвале. Горит небольшая печь — времянка. Мы топим ее промасленными шашками, разбираем пол...»

— Ты не экскурсия, это точно... — определил Строганов. — Эти слова про нашу прокатку из книги?

— Из дневника.

Положив на плечо Олегу тяжелую руку, прокатчик подтолкнул его к выходу.

На улице все так же шел дождь, они встали под навесом, и прокатчик, закулив, стал жадно затягиваться. Молча докурил сигарету, кинул ее в бочку для окурков и только тогда спросил:

— Ну, так зачем ты здесь?

— Тридцать лет назад где-то здесь погиб палин друг. Доктор Волков.

«Этот коридориче действительно протянулся на две трагические остановки!.. брожу здесь на ощупь, полная темнота и холодный, режущий ветер», — сразу вспомнились Олегу строки из дневника.

«На той стороне они были! — думал Олег. — Как же я забыл! Ведь доктор писал о заливе...»

Сколько раз, перечитывая дневник доктора, Олег видел эту картину: фашистские авиабомбы падают в залив, поднимая фонтаны воды и льда. Фонтаны обрушиваются на цех, изрешеченный осколками. Едва успевают навести порядок, как вновь налетают вражеские бомбардировщики.

Внезапно его остановил какой-то человек в плаще с низко надвинутым на глаза капюшоном.

— Одну минуту, — сказал он, поднимая руку.

Глаза у него были голубые и холодные. Олег

никак не мог решить, что это в них там прячется: усмешка или осуждение. Он не очень испугался. Ну, что с ним сделают, ну, выгонят за ворота, да и все. Хуже будет, если сообщат маме. Тогда скандал! Но разве можно было теперь, после дневника, сидеть дома просто так, ничего не предпринимая? Не стоило, конечно, проникать на завод таким образом: следить за машинами, хитрить, завод — это не сад тетки Грамофонихи в Смоленске...

— Так чей это ты сын? — спросил голубоглазый человек в плаще.

Что ответить? Лучше промолчать!

— Постой, это ты сын Комякина или не ты?

— Я.

— Тогда пошли.

Они прошли через турникет второй проходной и так же быстро вошли в здание, на котором написано «Управление», и почти бегом поднялись на второй этаж, где мужчина в плаще распахнул обитую черным дверь, пропустил в нее Олега и вошел сам.

— Садись, Олег, — приказал он. — Стакивай свою куртку. Сейчас принесут кофе, бутерброды.

Олег начал стаскивать курточку и только тут

понял, что его назвали по имени. Значит, его знают? Вот так фокус! А он-то дурака валял. «Сын энергетика!»..

Почти сразу в кабинет вошла приветливая женщина и принесла термос и бутерброды.

— Спасибо! — хозяин налил в стаканы дымящийся коричневый кофе, подвинул на край стола бутерброды.

— Давай!

— Благодарю, — буркнул Олег.

— У меня на обед осталось десять минут.

Прошу не капризничать.

— Вы меня знаете? — осторожно задал вопрос Олег.

— Первый раз вижу.

Почему он улыбается? В чем дело?

— Я же не сказал тебе, как меня зовут! Твое имя мне известно, а мое — Виктор Викторович.

Надо немедленно встать и признаться, что он вовсе не сын энергетика, но встал не Олег, а Виктор Викторович.

— Иди полюбуйся! Какой залив сегодня — серый-серый. Сердитый! Да и небо не лучше. Но этот вид я ни на что не променяю! Четверть века... все эти корпуса при мне построены, от первого камушка. Да иди же сюда, Олег! Ни-

чего этого не было. Камни и железо. И больше сотни неразорвавшихся авиабомб. — Виктор Викторович покосился на Олега. — Был тут тогда один лишь цех... Вон он, левой смотри. У самого берега.

У самого берега темноло продолговатое одноэтажное здание. На фоне новых корпусов оно выглядело совсем незаметным. Неужели это оно продержалось всю войну и в нем доктор Волков дрался за жизнь каждого рабочего?!

«...Стены построены на совесть, под бомбами качаются, но не падают. От скольких налетов мы убереглись за ними. Только крыша сгорела...»

На телефонном аппарате загудел зуммер. Виктор Викторович нахмурился:

— Ну все, Олег. Время. Может, тебе хочется побывать там? — он кивком головы показывал на одноэтажное здание.

— А можно? — Олег даже привстал.

Виктор Викторович взял на столе блокнот, вырвал страницу и что-то написал на ней.

— Вот. Покажешь на складе. До встречи!

— До свидания, Виктор Викторович.

— Позвони мне как-нибудь... сын энергетика!

Юрий Вячеславович Кожухов,

доктор исторических наук,
проректор
Ленинградского педагогического
института
им. А. И. Герцена

Наша 48 отдельная Красносельская Краснознаменная зенитная артиллерийская бригада к концу войны находилась под Ленинградом.

Задача отделения, которым я командовал, — с помощью радиолокационных систем об-

Фото военных лет

наруживать самолеты противника и сообщать об этом на зенитную батарею. Мы направляли огонь наших зенитчиков, чтобы вражеские самолеты не подлетали к городу.

К весне 1945 года наше отделение оказалось «без работы»: враг был отброшен за пределы Советского Союза. Перед нами поставили новую задачу — обучение молодого

пополнения. Потекли обычные воинские будни.

И этот день ничем не отличался от других. После отбоя все разошлись по землянкам. Только заснул, чувствую, тормошат: «Товарищ старший лейтенант, вставайте!» Наконец кто-то рывком сдергивает одеяло.

— Юрка, да вставай же, наконец, победа! Слышишь?!

Вскакиваю. Передо мной радостное, возбужденное лицо Пети Курочкина, нашего техника-лейтенанта. Смотрю на часы: два часа ночи.

Выбегаем из землянки.

Кто-то на радостях выхватывает пистолет и стреляет в воздух. За ним другой, третий... Поднялась пальба из всех орудий...

...Вот уже много лет подряд в День Победы, 9 Мая, мы встречаемся с однополчанами. Встречаемся семьями, с сыновьями и внуками.

И все мы, фронтовики, гордимся тем, что не только дети, но и наши внуки не знают, что такое война.

Подбегая к заветному зданию, Олег заглянул в записку и сразу увидел сверху напечатанные типографской краской слова: «Комякин В. В. Главный энергетик»...

ТО САМОЕ ЗАДАНИЕ

В каменный, скользкий от нефти и грязи причал била мутно-зеленая частая волна.

— Эй, Маруся! — весело сказал кто-то позади Олега. — Слез бы ты лучше отсюда! А, Маруся! Посмотри, на чем стоишь!

Обернувшись, Олег увидел низкорослого паренка с телефонной трубкой в одной руке и каким-то приборчиком в другой.

— Взгромоздился тут, как адмирал Крузенштерн на набережной! А на чем стоишь, тебе до Феньки?

— Ну, на чем я стою... — проворчал Олег недовольно. — Сам ты Маруся!

— Ну уж нет, — затряс головой паренек. — Маруся ты, сразу видно! Иначе б на аппарате не стоял!

— В этом паршивом ящике аппарат? — Олег прыгнул на землю. — Где ж он?

— Здесь, — паренек каким-то крючком подцепил стенку ящика; заглянул в него и, прилавив внутрь провод телефонной трубки, закричал:

— Алле-е, Скамейкин говорит! Спишь там, Маруся? Пиши: пятый пост в порядке.

— Маруся! — крикнул Скамейкин, положив трубку. — Вот ваша экскурсия идет. Давай к ним, мне некогда. Только зачем их ведут к этому старому сараю? Там же склад.

Подняв голову, Олег увидел возле одноэтажного здания мальчишек и девчонку.

Издали доносился голос молодой женщины-экскурсовода.

— Это последнее старое помещение на нашем передовом предприятии. На его фоне особенно разительно видно, как вырос наш завод. А ведь еще тридцать лет назад все здания были именно такими. Любопытно, что только оно одно сохранилось в войну, хотя, конечно, было тоже повреждено. Вопросы есть?

— Завод в войну работал? — спросил конопатый мальчишка. — Пушки тут мастерили, да? Миномоты?

— Завод был эвакуирован, мальчик. Я уже говорил.

— Значит, не работал? А я-то думал...

Вячеслав Михайлович Котеночкин,

режиссер фильма
„Ну, погоди!“

Фото военных лет

был мальчишкой. И, как все мальчишки, стремился попасть на фронт. Так я оказался в 3-й Краснознаменной артиллерийской спецшколе в Москве. Правда, тут меня «подвело» мое музыкальное образование — я неплохо играл на трубе. И вот вместо обычного учебного класса, где курсантов обучают стрелять из пушки или пулемета, я оказался в музыкантском взводе.

Можете себе представить, каким «трудным» мог оказаться для меня День Победы! Везде нужна была музыка, повсюду звучали марши и песни. Но я очутился в этот день в увольнении у родных и только вечером попал в Москву, на Красную площадь. Поздравляли и чествовали всех военных, стали качать и меня. Я летал и приговаривал: «Да не воевал я еще, не успел!» Куда там!

За полночь, совершенно ва-

лясь с ног, я наконец добрался до своей солдатской койки. Болели руки и ноги.

Я лег и впервые подумал:

«А что же дальше! На фронт я не попал. Настоящим музыкантом не стал. Надо выбирать занятие в жизни».

Но я уже знал, что торопить-

ся нигде не следует. Надо ждать, присматриваться и только тогда решать.

— Ну, погоди! — сказал я себе.

И стал режиссером мультипликационных фильмов.

В конце войны я был еще молод, скажем прямо —

— Работал, но не здесь. Оборудование было вывезено в тыл. У кого еще есть вопросы? Нет? Экскурсия окончена.

— А почему вы не рассказываете про подвиг? — не выдержал Олег. — Почему вы забыли доктора Волкова? А про военное задание вы тоже забыли? А еще экскурсовод!

Неужели все это было здесь?..

Здесь стояли топчаны и дымила печь-временка? Здесь чадили под потолком копилки? Здесь где-то у стены стоял сундук доктора Волкова? И здесь стонал на своем топчане раненый Жаворонков?

— Я тут пайки проверять должен. Пока я

— Маруся, — сказал сзади Скамейкин, — ты про войну говорил? Мне даже интересно стало. Я очень люблю, когда про войну рассказывают. Я «Щит и меч» одиннадцать раз смотрел. Ну-ка...

— Пошли сперва туда, — Олег показал на склад. — Потом расскажу.

— Могу, пожалуй, провести тебя... Только ведь я там долго буду, Маруся. Мне там кабель проверить надо. Бегать с тобой туда-сюда мне некогда.

проверю, ты мне рассказывай, как обещал. Что же тут было?

Олег еще раз прошелся по всему подвалу, оглядывая свободные участки стены. Надписей не было. Возможно, их забелили?

Присев на корточки у стены и вздохнув, он начал рассказ.

— Это помещение называлось «санаторий». Его толстые стены не мог пробить ни один снаряд. Семь самых лучших мастеров получили срочное военное задание...

ЗАДАНИЕ БЫЛО ВЫПОЛНЕНО

— Ну, а потом... потом что?! — вскипел Скамейкин, когда Олег умолк.

Но рассказывать больше было нечего. Он выложил все, что знал. Не выдумывать же, чего не было.

— Нет, ты постой, Маруся... Ты уж давай до конца! Ну?

Во время рассказа Скамейкин то и дело отрывался от работы и, пожимая плечами, с изумлением обводил взглядом подвал. Раз он даже вскочил с места и принялся рукавом стирать карандашную надпись на стене: «Маруся, гони три рубля!»

— Я весь дневник на память знаю. Дальше нет ни слова. Все.

— Может, их завалило? Погибли? Как думаешь? — стал сыпать вопросами темпераментный Скамейкин. — Ай, ай... а мы тут в «козла» забываем в обед. Пирожки едим. Слушай, а это правда? Ты не насвистел мне?

— Уж буду уверен! Только я не знаю, что было потом.

— Волков, значит, спас на фронте твоего батьку, а чего ж тогда твой батька не стал его разыскивать?

— Он его знаешь как искал! Через тридцать лет нашел дневник. Слушай, вот если они тут были, да? И если не было току, а они все ждали и ждали, никуда не ушли, да? И если они не успели задание выполнить, их разбомбило или от голода погибли...

— Ну, ну? Не тяни!

— Тогда они герои или нет? — этот вопрос все еще мучил Олега.

— Хм... ты даешь, Маруся! Герои, наверное. Только... не до конца, раз задание не выполнили... Выполнили бы задание, тогда уж... да не знаю я! Сразу не разберешься. А ты-то как думаешь?

— Не знаю, — пожал плечами Олег. — Не могу понять тоже.

— Я бы тоже никуда не ушел! — закричал Скамейкин. — Я бы... ох, что бы сделал! Им бы снарядов на меня не хватило!

— Я пошел, — поднялся Олег, стараясь сдерживать улыбку. Уж слишком воинственно произнес Скамейкин «я бы!»

— Я все знаю, — заявила мама, открывая дверь. — Судьба у меня такая... об одном из газет узнавай, про другого телефон трезвонит каждую минуту! Тебе весь этот час звонил Табуреткин.

— Кто? — Олег замер. — Какой еще Табуреткин?

— Прости, кажется, Скамейкин. Его-то я ставила выложить, где ты попадаешь!

— А... а за... зачем он звонил? — заикаясь, спросил Олег.

— Сколько ему лет?

— Не знаю. Лет так восемнадцать. Он — связист.

— А я думала — грузин... хотя Скамейкин не может быть грузином. Но уж так он кричал... та-ак волновался! Сейчас, у меня записано...

Она пошла в комнату, где на столике был телефон, и принесла блокнот. — «Задание было выполнено», — прочитала мама. — Он велел немедленно это тебе передать.

— Задание было вып... — машинально стал повторять Олег, и вдруг у него из руки выпал портфель. — Мама! — закричал он. — Это же... про нашего доктора Волкова.

Но мама и тут не удивилась.

— Да, да, — только и сказала она. — Конечно.

— Откуда он узнал? Ну откуда?

— Прочитал в книге.

— В какой книге? Разве про это написано?!

— Он прочитал это в истории завода. Между прочим, эта книга есть у нас дома. Ее подарил отцу один из авторов. Возьми у меня на тахте. Я ее тебе специально приготовила.

«В труднейших условиях зимы 1942 года небольшой группе рабочих было поручено выполнение сложного и срочного задания. Несмотря на голод и непрекращающиеся артобстрелы, задание было выполнено. К сожалению, не удалось установить имена всех рабочих. Известно только, что возглавлял работу старый производственный Корсаков, скончавшийся уже после прорыва блокады».

— Мама! — крикнул Олег из своей комнаты. — Где была эта книга? Я ее не видел.

— Она у нас очень давно. Посмотри там надпись.

— Здесь неразборчиво.

— Иди сюда с книгой.

— Вот... Олег пришел к ней на кухню. Она отложила в сторону газету и прочитала надпись на книге:

«Товарищу Кислицыну, с благодарностью за ценную информацию». Подпись действительно неразборчива. Но посмотрит авторы... вот, вот, пожалуйста: Комякин В. В.

— Главный энергетик! — ахнул Олег. — Вот что...

ВОЕННЫЕ ПИСЬМА

На другой день Скамейкин позвонил снова, и опять он говорил с мамой. Он передал, что Жаворонков нашелся.

Жаворонков нашелся!

Быстро пробежав по лестнице эскалатора до

выхода и юркнув из вестибюля метро на улицу, Олег помчался к Большому проспекту. Времени у него еще было, но разве он мог сейчас идти шагом!

Жаворонков нашелся... значит, выжил! Но стой... ведь Волков писал в дневнике: «Без операции — летальный исход». Летальный, значит, смертельный, это Олег узнал. Тот ли это Жаворонков? Может, однофамилец?

Напугал там что-то Скамейкин.

Жаворонкову ведь нужна была срочная операция, а в госпиталь его доставить не могли. Так что же тут?

Не мог же доктор Волков сделать операцию сам, одной рукой! Одной рукой даже карандаш не заточить, даже хлеба не нарезать. А тут операция. Когда мама палец обрезала, она картошку не могла чистить... Простую картошку!

Может быть, это родственник того Жаворонкова? Вдруг он знает о «санатории»?

— А-а, Маруся... ждешь, значит! Ну, ну...

Скамейкин явился с таким загадочным лицом, будто только что раскрыл величайшую тайну. Он посмотрел на Олега, как тому показалось, с небрежным видом и прихлопнул нагрудный карман комбинезона замасленной перчаткой.

— Здесь документ! Это тебе, Маруся, не банка килек!

— Покажи, — Олег протянул руку.

— Постой. Говоришь, помереть должен был Жаворонков в сорок втором году?

— Покажи документ. Скорей!

— Не спеши так!

— Он жив, да? Или это другой Жаворонков?

— Тот, тот, — заверил Скамейкин. — Погиб он...

— Погиб... Это и без тебя знали!

— Но знаешь когда? В сорок первом году во время штурма Берлина! Вот так! «Без меня знали»...

Скамейкин взглянул на него и почесал затылок.

— Что с тобой, а? — спросил он. — Покраснел... ты, может, думаешь, зачем я в это дело влез? Думаешь, это только тебя касается?

— Хотя бы... — буркнул Олег. — Без тебя бы все узнал! Мой отец целых тридцать лет...

— Да брось ты! — обиженно перебил Скамейкин. — А я на этом заводе работаю, понял? В том самом месте. И мы там, может, музей откодем. Я вот ходил к Комякину и все ему рассказывал вчера же. А он вспомнил, что о Жаворонкове есть запись в отделе кадров. Разве ты бы сам обнаружил ее? Эх, ты!

Дернув «молнию» на кармане комбинезона, он вытащил сложенный вчетверо лист бумаги.

— Вот. На, держи, для кого я, думаешь, переписывал специально? Вот видишь: «Жаворонков Михаил Арсеньевич. Стаж с 1932 года по 1942 г. Погиб в 1945 во время штурма

Берлина. Посмертно награжден орденом Славы второй степени». Вот. Для кого я переписывал, Маруся?

— Прости, — Олег дотронулся до руки Скамейкина. — Спасибо тебе... Я возьму эту бумагу? Отцу покажу.

— Бери, — смылся Скамейкин. — Для тебя ж старался. Но это не твое дело, а наше. Всех.

— Значит, его ранение... он поправился, значит, тогда?

— Выходит, вылечил его твой Волков.

— А как? Одной рукой? — усмехнулся Олег. — Попробуй одной рукой свои провода чинить!

— Я не доктор... может, и одной рукой он сумел... — нерешительно ответил Скамейкин. И сердито добавил: — А ты-то хорош. «Мы с отцом столько искали!» Надо людей спрашивать! Вот я стал спрашивать людей... в отделе кадров догадался спросить, и мне сказали, что еще жива Жаворонкова, жена Михаила Арсеньевича. Жива! К ней и надо сходить. Адрес мне дали... — Скамейкин поглядел на Олега и вдруг сказал с притворным вздохом: — Ты вечером, значит, не можешь, а я сейчас не могу. Слушай, а если ты прямо к ней поедешь, а?

— Давай адрес! — сказал Олег.

Перед дверью Жаворонковой Олег как следует отдышался, одернул курточку и провел ладонью по вихрам, чтобы не торчали во все стороны.

Высокая прямая старуха в светлом домашнем сарафане, сняв очки, оглядев внимательно гостя, сказала громким голосом, как говорят глуховатые люди:

— Ну, что же мы встали, а? Проходи, Олег, проходи... чай я уже тебе поставила.

— Ч... чай п-пп... поставили? — занкаясь, спросил Олег. — Мне?

— У меня и компот есть. Персиковый. Да проходи же! Какой ты робкий, оказывается... А мне говорили, что ты смелый и находчивый. Жаворонкова усердно потчевала Олега и компотом и вареньями, потом снова компотом.

— Я была в эвакуации с детьми, а Миша уже в апреле сорок второго приехал к нам. Ему дали два месяца на поправку. Нога-то у него уже и не болела, да только источник он был ужасно...

— Нога не болела? Совсем?

— Операцию ему хорошо сделали. Он все хвалил этого доктора... забыла фамилию...

— Волков там был, — подсказал Олег. — Только...

— Верно, верно... Волков. Давно уж я письма Миши перечитывала. Волков! Хорошо он ему операцию сделал! Замечательный доктор. Миша все хвалил.

— У Волкова была одна рука. Вторая раненая, не работала. Как он мог сделать операцию? — стал допытываться Олег.

— Так ему помогали! Миша мне тогда рас-

сказывал, что ему трое операцию делали. Доктор этот Волков руководил...

— А-а... в чем дело! Вот так Волков! А потом что стало с Волковым, не знаете? — у Олега задрожала рука, и он поставил кружку с компотом на стол, чтобы не разлить. — Куда он делся?

Жаворонкова развела руками.

— Куда делся... Мишу-то с завода военные увезли потом в госпиталь, а там он ко мне на поправку в Киров приехал. А там уж на фронт отправился. В Берлине и погиб за три дня до победы. А доктор...

Больше он не решался задавать вопросов. И так немало узнал сегодня.

— Когда мне с завода позвонили и сказали, что ты приедешь, я заинтересовалась за чем. Сейчас я тебе покажу... — она поднялась и принесла из другой комнаты два пожелтевших письма.

— Посмотри, какие письма присылали. Тре-

угольник простой. Один штамп «полевая почта» и все... Только уж ты осторожней.

Она бережно положила письма перед Олегом.

Фронтовые письма! Отец рассказывал, что солдаты писали их между боями, выпрашивая друг у друга листок бумаги, — какие уж тут конверты, — писали в землянках и в окопах, иногда не успевали и дописать, надо было подниматься в атаку.

Олегу захотелось почитать эти письма одному, а еще лучше — показать бы их отцу! Ведь это письма того самого Жаворонкова, которого, как и отца, спас доктор Волков...

— Пожалуйста, дайте их мне. Я только... я ненадолго возьму. Я с ними буду очень аккуратно обращаться, — стал просить Олег. — Мне очень нужно. Понимаете, я хочу разыскать доктора Волкова.

Покачив головой, она быстро прикрыла треугольники своими большими руками.

Екатерина Алексеевна Шанина, фельдшер медсанчасти Балтийского завода

22 июня 1941 года попала в ад первой бомбежки и увидела первых раненых и убитых.

И вот ранним утром:

— Девчонки, вставайте! Война кончилась!! Победа!!

Это кричала наша дежурная по госпиталю. Конечно, все мгновенно проснулось.

Выскочили на улицу. А там полно народу и много наших солдат. Мы всех наших, как самых родных, встречали — поздравляли, обнимали. Это же были свои, это же мы вместе победили!

Трудно, ох как трудно досталась победа! Подруге моей, веселой украинке, некуда было вернуться с фронта — дом сожгла бомба. 900 страшных дней блокады пережила в Ленинграде моя мать. И даже в эти первые часы Дня Победы перед глазами вставали разрушенные города, расстрелянные люди, голодные дети.

А потом начался обычный рабочий день. Война кончилась, но здесь, в госпитале, она продолжалась — война со смертью. Мы привыкли к этому «фронту», а в этот день и вовсе были настроены по-боевому: все готовы были сделать, любое чудо совершить, лишь бы все наши ребята домой вернулись. Нельзя же умирать после победы!

Но раненые, которых привезли к нам в этот день, были необычными. Они бредили, звали близких, просили воды на немецком языке. Это были пленные немецкие солдаты. И мы начали спасать их жизни. По долгу медиков, по совести советских людей, по великодушию победителей.

А мир входил в свои права, и мы с трудом привыкали к тишине.

Фото военных лет

Первый день мира я, военфельдшер советского госпиталя, встретила в семидесяти километрах от Берлина, в городе Бреслау.

Я начала ждать этого дня с того самого момента, когда девятнадцатилетней практиканткой фельдшерской школы

— Нет, нет! Никому. До смерти не отдам никому! И не проси, не расстанусь. Нет, нет! Переписать можешь, но только у меня. А из дома уносить не позволю. Будешь переписывать?

— Буду, буду. Конечно! Олег осторожно стал разворачивать треугольники.

— Уже и вышло, — показала она на лيدовые штампы. — Ты только поосторожней.

«...Пишу из Восточной Пруссии. Видишь, два года воюю после того случая. Воюю и радуюсь нашим победам, а ведь должен был тогда умереть. Тот подвал теперь страшно вспомнить, хотя уж столько перевидал... Спас меня мальчишка — доктор... тощий он был, тень одна... Свои сукри нам все отдали... рука у него сильно болела. Стал он во сне, я слышала...»

Дальше Жаворонков писал жене уж совсем о другом, и Олег не стал переписывать. Он пододвинул поближе второй треугольник и сразу нашел нужное.

«Доктор утром ушел и не вернулся. Я видел, как он уходил. Пистолет зачем-то в карман положил... Потом уж дали ток, и старика ушли наверх работать... а доктор до вечера не вернулся... а потом меня увезли военные в госпиталь... Должен тебе сказать, что доктор не только меня спас. Он за всеми ходил, как няня. Он покоем не знал никогда, и мы все ему обязаны были... Таких людей мало. Железный просто человек... Я тебе потом напишу, как он меня подобрал и одной рукой притиснул и этой же рукой оперировал... Герой он!.. Потом я узнал, что он скончался от истощения...»

Рука Олега сильно дрожала, когда он переписывал эти слова.

«Пощлю отцу телеграмму, сегодня и получу», — думал он.

ПОХОД

ПРИНАЗ ОТЯДАМ ПОХОДА „КУРС—ПОБЕДА!“

1. Считать поход «Курс — Победа!», проведенный в ознаменование Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., успешно завершены.

2. Участникам похода предоставляется поиск ветеранов — участников Великой Отечественной войны — и присылать материалы в адрес Штаба. Информационное Бюро похода будет публиковать материалы, собранные отрядами, в номерах «Юстрав» в 1975 году.

3. Итоги поисков всех отрядов — участников похода «Курс — Победа! — будут подведены Советским комитетом ветеранов войны и редакцией журнала «Юстрав».

Командующий походом
«Курс—Победа!»
генерал-майор артиллерии
И. Кимш

(ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ ВИКТОРИНЫ)

«Орудия с «Авроры» были установлены в районе Пулковой и Дудергофа. Сейчас в районе Дудергофа, на месте, где стояли эти орудия, — памятник. Пылающий штурмовик направил на скопление гитлеровцев командир штурмовика «ИЛ-2» капитан Ирижак».

Отряд «Решительные», Москва
Оформление А. Курушина

„КУРС—ПОБЕДА!“

ВСЕМ УЧАСТНИКАМ ПОХОДА

К концу 1944 года Советская Армия изгнала фашистов с советской земли.

К маю 1945 года наши войска, освободив многие страны оккупированной Европы, в жестоких боях разгромили фашистов в их логове, в Берлине. Над рейхстагом был поднят красный флаг.

Самая кровопролитная война, какую знало человечество, окончилась.

Еще дымилась развалины. Еще советские солдаты не сдали в арсеналы свои винтовки и автоматы. Но пушки уже не стреляли. А танки с красными звездами стояли на площадях и улицах городов фашистской Германии, и танкисты без опаски открыли броневые люки. Уже русские повара кормили из походных кухонь немецких детей. Начинаясь весна. Мирная весна для всего мира!

9 мая 1945 года столица нашей Родины Москва салютовала в честь великой Победы советского народа над фашизмом...

ВОЕННАЯ ВИКТОРИНА

ЗАДАНИЕ № 5

Штаб похода предлагает всем участникам!

1. Искать материалы о ветеранах — участниках освободительных операций 1945 года в странах пораженной фашистами Европы, а также о ветеранах-воинах, участниках Берлинской операции.

2. Клубам Интернациональной дружбы, принимающим участие в походе в составе отрядов, — подготовить материалы о дружбе с пионерами городов-побратимов, о совместных походах по местам боевой славы и поездках друг к другу.

Штаб похода
«Курс—Победа!»

ОТ ПОХОДНОГО ИНФОРМБЮРО

Сообщают пионеры-следопыты школы № 274 Ленинграда:

Мы ведем поиск ветеранов народного ополчения города Ленинграда. В поиске участвуют все пионерские отряды нашей школы, все комсомольцы и многие учителя. Нашей пионерской дружине присвоено имя «Ленинградской Армии Народного ополчения».

Мы участвовали в создании обелиска «Ополченец». Обелиск стоит теперь перед нашей школой. Опалубку мы делали в школьной мастерской, сам обелиск помогали соорудить все ребята.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. Скосырева

Оформление Р. Попова

Год издания 19-й

ЛЕГЕНДАРНЫЙ МАТРОС

Корреспондент привез письмо.
«9 мая 1945 года я находился далеко от Родины, в городе Нью-Йорке, принимал боевые корабли — тральщики, закупленные Советским Правительством в Соединенных Штатах Америки. Тральщики были нужны, чтобы очистить наши моря от мин...

Что ощущаю в этот день я, человек, много раз смотревший смерти в глаза! Услышав из Москвы весть о Победе, я заплакал слезами радости. Мы обнимались с нашими союзниками, американскими моряками. Мы поздравляли друг друга с Победой! Четыре года кровавой и жестокой

войны казались вечностью. И все же мы победили!

Матрос Краснознаменного
Черноморского флота
Владимир Кайда.

Письмо-интервью скромное, подпись — и того скромнее... Но кто же такой Владимир Кайда!

Если идти от Малой земли все по берегу моря к центру Новороссийска, а точнее — к порту, приходишь к памятнику.

Малые ребятишки гоняют на велосипедах по набережной перед ним. Зеленые деревца шестят позади него. А с высокого постаamenta брон-

зовый матрос с автоматом в руке все смотрит и смотрит на волны Черемской бухты. Слово видит в тысячах разрывов бомб и снарядов — первые катера, рванувшиеся с десантом к берегу, к клочку земли, которую потом навечно назовут Малой...

Это — памятник Неизвестному матросу. Но каждый мальчишка, и каждая девочка, и каждый взрослый человек в Новороссийске знают, что скульптор делал бронзового матроса с Владимиром Кайдой, одного из трех, оставшихся в живых из той самой, первой десантной группы морских пехотинцев, которые закрепились на Малой земле...

Матрос Кайда жив. То, что рассказывают о нем, похоже на легенду. Но самое невероятное, что все это — чистая правда...

Вот какой однажды с матросом Кайдой на Малой земле был случай.

Он оказался в тылу у фашистов. Все патроны растрелял. Гранаты кончились. Плохи дела...

В это время налетели фашистские бомбардировщики. Бомбы начали падать совсем рядом. Вот-вот накроют...

Кайда выждал момент и побежал. Полсотни метров пробежал, свалился в окоп да и замер: совсем рядом в окопе, зажав уши, спрятав головы в колени, сидят два гитлеровца...

Бомбы рвутся рядом, фашисты сжались, не только уши, глаза закрыли. И тогда Кайда решился. Удар матросского кулака, второй... И вот Кайда, перекинув через плечо два трофейных автомата, ползет к своим. А те — ему навстречу.

— Жив, Кайда!

— Живой...

С этого богатыря и лепил скульптор того бронзового матроса, что стоит на набережной Новороссийска.

Г. Гусев

БУДУ МОРЯКОМ!

Витя Анисимов — кюмовец (второй слева)

Уважаемая «Морская газета»! С курсантским приветом бывший ваш юнкор Анисимов Витя!

Раньше я писал о делах нашего морского клуба в Комсомольске-на-Амуре, а сейчас я — курсант мореходной школы. КЮМ помог мне здорово! О своем клубе я не забываю, ведь благодаря КЮМу осуществились мои мечты и я буду настоящим моряком!

Виктор Анисимов, курсант
Находкинской мореходной школы

От редакции. О клубе юных моряков Комсомольска-на-Амуре «Морская газета» писала в 1973 году (№№ 6, 7) и в 1974 году (№ 6).

РОЖДЕННАЯ В БОЯХ

Таня Чумасова из совхоза Полоцк и Света Байбакова из города Новый Златоуст спрашивают: «Какой советский корабль был первым удостоен гвардейского звания! За какой подвиг!» То же хотят узнать и другие читатели.

Отвечает капитан I ранга Георгий Алексеевич Аммон.

— В первых же морских боях Великой Отечественной войны отличился крейсер «Красный Кавказ». Корабль громил гитлеровцев из орудий, высаживал десанты, увозил в тыл раненых из осажденных портов.

Однажды крейсер в составе отряда кораблей подошел к занятой неприятелем Феодосии, чтобы высадить войска.

Орудия крейсера ударили по укреплениям фашистов. Но и враг отвечал огнем тяжелых пушек. Осколки осыпали палубу «Красного Кавказа». И все же крейсер прорвался к молу и высадил десант прямо в порт! Вдруг снаряд попал в артиллерийскую башню крейсера. Вспыхнул пожар... Еще мгновение — и огонь доберется до погребов с зарядами. Тогда — взрыв! Погибнут люди.

И краснофлотцы Василий Покутный, Петр Пушкарев и Павел Пилипко кинулись в огонь. Голыми руками они выбросили горящий заряд и спасли крейсер. Орудия башни снова стреляли по фашистам.

...После жестокого боя гитлеровцы выбили из порта.

3 апреля 1942 года за отвагу в боях с фашистами, стойкость и героизм экипаж крейсера «Красный Кавказ» одним из первых советских кораблей был удостоен гвардейского звания.

Разыскивая в архивах материалы о моряхках-черноморцах, я нашел снимок военных лет. На снимке — мальчишка в морской форме. На гвар-

дейской ленточке бескозырки надпись — «Красный Кавказ». На форменке — орден Красной Звезды... Юнга с легендарного крейсера! На обороте была всего-навсего короткая надпись — «Боря Кулешин». Какой подвиг совершил Боря? Жив ли он? Если жив, то где он сейчас? Этого мне узнать не удалось...

Быть может, разыскать Бору помогут читатели «Морской газеты»?

В те грозные годы Боря был их ровесником.

БРИГ „МЕРКУРИЙ“

Случилось это в 1829 году, во время Русско-турецкой войны. Неподающему от Босфора маленький двухмачтовый бриг «Меркурий» был настигнут двумя турецкими линейными кораблями. У турок против двадцати пушек брига было около двухсот! И все-таки командир «Меркурия» капитан-лейтенант Казарский решил сражаться. Последнему офицеру, который останется в живых, было приказано взорвать крейт-камеру брига, где хранился порох...

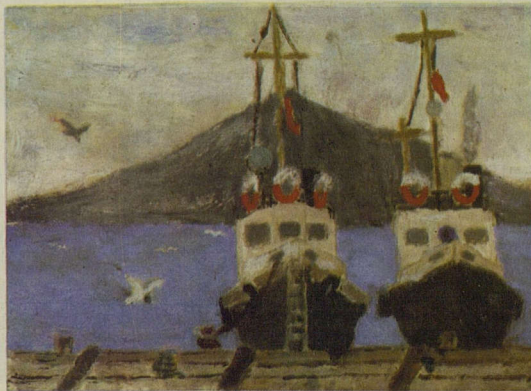
Нравный бой начался. Написано о нем немало, но есть одна редкая запись — воспоминания турецкого штурмана, участника боя: «Произошло дело неслыханное и невероятное. Мы не могли заставить его сдаться. Он дрался, отступал и маневрировал со всем искусством... Стыдно сознаться — мы прекратили сражение, а он со славою продолжал свой путь...»

Вот с каким уважением к храброй и умелой команде маленького брига писал об этом бое враг.

Турецкие корабли со многими повреждениями отказались от боя и легли в дрейф. Бриг ушел победителем.

За беспримерный бой всю команду брига наградили. Был награжден и сам бриг «Меркурий» — большим кормовым георгиевским флагом...

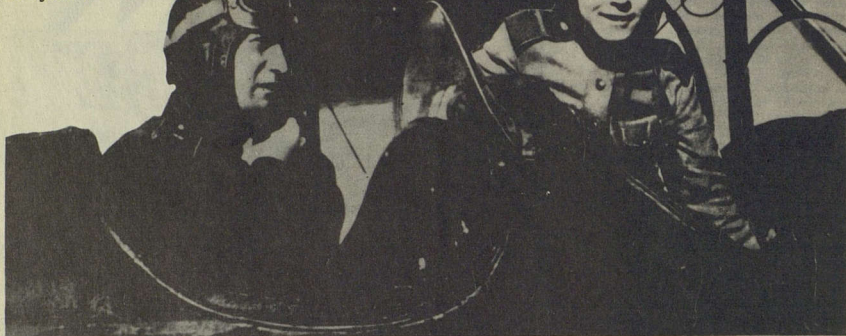
С ВЫСТАВКИ ПИНГВИНА

„КАТЕРА“, Саша Михайлов, 14 лет, г. Вяземский Хабаровского края

СКОЛЬКО ВАМ ЛЕТ, СТАРШИНА КАМАНИН?

Б. Машин,
В. Уфлянд

Отец и сын Каманины
после боевого вылета

Аркадий Каманин

В 1934 году Аркадию Каманину было четыре.

В том году весь мир был поражен подвигом семи советских пилотов, в числе которых был отец Аркадия красноречивый Николай Каманин. 34 челюскинцев вывез он с дрейфующей льдины на своем «Р-5». Остальных спасли его товарищи.

Николай Каманин стал одним из самых первых Героев Советского Союза.

ПЯТИКЛАССНИКИ СОРОК ВТОРОГО

Летом 1942 года полковник Каманин формирует в Средней Азии штурмовую авиадивизию.

Враг приближался к Сталинграду. Оттуда в Ташкент прибывали искалеченные и обгоревшие боевые самолеты. На авиационном заводе работали у станков старики, женщины и подростки. Кое-кому станок был слишком велик. Приходи-

лось подставлять под ноги ящик.

Пятиклассник Аркаша Каманин объявил маме Марии Михайловне, что поступает на работу в авиамастерские. Интересно, как на это посмотрит отец?

— После войны доучится, — сказал Николай Петрович.

Видимо, было у Аркадия в крови что-то такое, отчего человек и летающая машина чувствуют и понимают друг друга как прирожденный наездник и лошадь. Авиаремонтник из него получился настоящий.

С фронта в мастерские пришло письмо от капитана Бурматова. Не однажды выручал капитана безотказный «ЯК-3», который Аркадий с одноклассником Камилем разобрали до винтика и вновь собрали собственными руками. В письме раскрылось такое, что стало ясно: надо продавать голубей, покупать билет и ехать к отцу на Калининский фронт.

Денег набралось маловато. Тайну побега случайно раскрыл младший брат Лева. Мама уступила.

СЛАВНЫЙ „ПО-2“

Калининский фронт. 1943 год. В штаб командира корпуса штурмовиков «ИЛ-2» генерал-майора Каманина прорвался мальчишка.

— Пап, это я!

Это был не просто мальчишка — умелый мастеровой. Пришлось зачислить Аркадия в часть, принять на довольствие и определить мотористом в связную эскадрилью самолетов «У-2», иначе «ПО-2».

Аркадий мыл, чистил, заливал бензином и маслом славы фанерные бипланы. Славным самолетом называл «ПО-2» его отец. Этот старомодного вида летательный аппарат, казалось, должен был исчезнуть в наступившую эпоху высокоскоростных цельноалюминиевых с бронированной кабиной Илюшиных, Петляковых, Туполевых, Яковлевых и Лавочкиных. Появившись еще во времена челюшинской эпопеи, эта конструкция Поликарпова служила учебным, разведывательным, связным, санитарным самолетом и легким ночным бомбардировщиком.

Через несколько месяцев Аркадий знал назубок материальную часть и всю теорию управления «ПО-2». В качестве моториста он летал в задней кабине, где тоже была ручка управления.

Кто и когда разрешил мотористу самому водить машину в горизонтальном полете, об этом генерал-майору Каманину не докладывали. Когда однажды в воздухе сын попросил у отца разрешения вести самолет, генерал-майор ответил не сразу:

— Бери ручку, — наконец услышал Аркадий.

Хвалить отец не стал. Но и замечаний никаких не сделал.

САМЫЙ МЛАДШИЙ СЕРЖАНТ АВИАЦИИ

В четырнадцать лет Аркадий Каманин получил самолет «ПО-2» и звание младшего сержанта авиации. До этого в истории воздухоплавания был только один похожий случай. Четырнадцатилетняя дочь французского пилота Мориса Фармана под руководством отца научилась водить аэроплан.

Но Аркадий в свои четырнадцать не просто летал, а воевал.

Первый раз он получил две пробонны в плоскости, когда был в полете вместе с отцом. На тихоходный «ПО-2» наско-

чил высокоскоростной фашистский истребитель «мессершмитт-109». Тогда это был самый лучший самолет гитлеровской авиации, ее последнее техническое достижение.

Отец не спешил брать управление на себя. Аркадий должен был сам знать преимущества своего самолета.

Снизившись к земле, почти к вершинам деревьев, петлял из стороны в сторону увертливый «ПО-2». «Мессершмитт» улетел ни с чем. Такая охота ему не по зубам. Бойтся фашист врезаться в землю.

ПЕРВЫЙ ОРДЕН

Главной силой штурмового авиакорпуса были полки штурмовиков «ИЛ-2». Горбатые с виду машины, прозванные «летающими танками», создавались в конструкторском бюро Илюшина. Таких не было ни в одной другой армии. Они с предельно малой высоты расстреливали и бомбили танковые и автомобильные колонны, поезда, «утюжили» позиции противника. В одном из полков корпуса воевал на «Иле» летчик-штурмовик, будущий космонавт Георгий Тимофеевич Береговой. Пройдет немного времени, и за мастерские штурмовые удары Береговому при-

своем звание Героя Советского Союза. А впоследствии, через много лет, он сменит генерала Каманина на посту руководителя подготовки космонавтов.

Завершалась битва на Курской дуге, где с каждой стороны участвовало по две с лишним тысячи танков и самолетов. Корпус перебазировался в район Днепра. Самый юный в мире военный летчик доставлял доведения в штабы знаменитых генералов: Рыбалко, Плиева, Москаленко. Случалось летать и вблизи передовой.

В один из таких полетов Аркадий увидел на нижней полосе между своими и фашистами подбитый штурмовик. Не раздумывая, приземлился рядом. Подбежал к подбитому «ИЛу». Раненный в голову пилот оказался знакомым. Капитан Бердников летал на разведку, фотографировал позиции гитлеровцев, достянул подбитый самолет до нижней полосы и потерял сознание.

Фашисты начали минометный обстрел. Аркадий снял фотоаппарат с пленкой, дотасил капитана до своего «ПО-2» и подсадил в кабину. Помогли наши танкисты: прикрыли огнем. Надатели штурмовики, подавили фашистские минометы. Аркадий взлетел, лавируя между воронками, и доставил раненого и фотокамеру в штаб командующего штурмовой дивизией генерала Байдукова. Того самого, который в тридцатые годы летал вместе с Чкаловым.

Так на гимнастерке младшего сержанта появился первый орден Красной Звезды.

ЛЕТНЫЕ ЧАСЫ

Стаж пилота исчисляется количеством вылетов и часов, проведенных в воздухе. Их записывают в летную книжку. Много новых летчиков прибыло в часть. Иные и четверти того, что у Аркадия в книжке, не налетали. Но все равно он был самым молодым. Приходилось на сидение подушку подкладывать. Мама сшила, чтобы Аркадию из кабины обзор был пошире.

Летные часы часам рознь.

Бывают минуты, стоящие многих часов. Например, привяжется «мессершмитт». Тогда — прижаться к земле, ближе к лесу или речной пойме, непрерывно меняя курс.

Один «мессершмитт» попался упорный. Решил подняться повыше и сверху спикировать на ненавистный «рус-фанер» — так фашисты звали «ПО-2». Увернулся от него Аркадий, стал ждать, когда фашист поднимется для второго захода, да так и не дождался.

На аэродроме механик Волода Мухин нарисовал на борту «ПО-2» звездочку. Значит, на счету у пилота Каманина уничтоженный гитлеровский истребитель. Не вышел фашист из пике, врезался в землю.

Над Карпатами связной самолет обстреляли с земли. Аркадий доложил командованию: в горах засели остатки разбитой фашистской дивизии. Штурмовики вылетели на ликвидацию гитлеровцев. Аркадия еще раз представили к ордену Красной Звезды.

ЧИСТОЕ НЕБО ПОБЕДЫ

Из фашистского окружения радировали чешские партизаны. Просили прислать данные о противнике и батарее для радиостанции. Старшина Аркадий Каманин сделал посадку в горах и благополучно возвратился обратно. На аэродроме это время находился маршал Малиновский.

— Сколько вам лет, старшина Каманин? — спросил он.

— Пятнадцать, товарищ Маршал Советского Союза.

— Позвоните в часть. Пусть представят к ордену Красного Знамени, — приказал адъютанту командующий.

А вскоре настал день, когда Аркадий, собравшись лететь на очередное задание, вдруг услышал приказ:

— Отставить! Все! Кончилась война.

И в чистое небо Победы полетели каски, фуражки, пилотки, ушанки и шлемы.

А потом Аркадий шагал по Красной площади в рядах ветеранов незабываемых битв. В

свои шестнадцать лет он тоже был ветераном. Ветераном битвы на Курской дуге. Ветераном битвы на Днепре. Ветераном боев за освобождение Венгрии, Польши и Чехословакии, кавалером ордена Красного Знамени и двух орденов Красной Звезды.

ОРДЕНА НА ГРУДИ, УЧЕБНИКИ ПОД МЫШКОЙ

Как вы думаете, что труднее: засечь с воздуха под обстрелом расположение вражеской дивизии или пройти за один год школьную программу четырех старших классов и получить аттестат зрелости? Вещи, конечно, несравнимые. Но предположи мальчишкам такой выбор, окажется, что большинство из них на словах никакие пули не страшны, а насчет четырех классов за один год те же самые мальчишки скажут, что это невозможно.

А вот Аркадий Каманин уже после войны совершил именно такой невозможный подвиг. Не зря отец обещал за него, что он после войны доучится.

В 1947 году Аркадий сдал экзамены в Высшую Военно-воздушную академию имени Жуковского. Так они решили вместе с Георгием Тимофеевичем Береговым, возвращаясь с войны в одном самолете. Будущей реактивной авиации и космонавтике нужны высокообразованные, бесстрашные люди.

* * *

Тяжелая болезнь обворвала на восемнадцатом году жизнь этого смелого и талантливого юного человека.

В московской школе № 19, где когда-то начинал учиться Аркадий, и во многих других школах страны есть отряды его имени. Ходит по морям теплоход «Аркадий Каманин».

Юрий Гагарин, бывало, спрашивал собеседников, знают ли они, кто был самым молодым военным летчиком в мире. Первый космонавт и пятнадцатилетний старшина авиации были людьми одной закалки.

Рисунок А. Орлова

В годы Великой Отечественной войны я был подростком, чуть постарше читателей «Костра». Но мне повезло: я стал бойцом Чехословацкого корпуса. Этот корпус был сформирован в советском тылу и с боями освобождал советскую и чехословацкую землю.

В нашем полку был только один боец младше меня. О нем я и хочу рассказать.

Звали его Анджело. Это был веселый и шустрый парнишка. Кто-то выучил его неплохо снимать кинокамерой, и Анджело орудовал этой тяжелой штуковиной несколько не хуже, чем автоматом. Не только Анджело, но и все вокруг понимали, что киносъемка — тоже оружие в нашей борьбе, что нуж-

но сохранить для будущего память о боевой дружбе наших народов. Каждый, чем мог, помогал Анджело. А тот снимал в самых опасных местах, не думая о себе.

Помню один случай. Даже дату помню — третье ноября 1943 года.

У Анджело кончалась кинопленка. Нужно было ехать в село, где расположился штаб полка. Анджело мигом узнал, что наутро в село пойдет полторка Васи Сорокина. Васю посылают за продовольствием. Анджело тут же договорился с Васей и на рассвете уже расхаживал возле его машины с кинокамерой на плече, поживившись от утренней сы-
рости.

— Ты чего, всю ночь на часах стоял? — удивился Сорокин.

— Если надо, могу всю ночь, — улыбнулся Анджело.

— Чудак, — покрутил головой Сорокин. — Куда ж я денусь? Мы с тобой договорились, а мое слово закон. Садись, поедем.

С десятком километров проехали спокойно. Вдруг Сорокин заглушил мотор, высунулся из кабины наружу и стал вслушиваться. Анджело заерзал на сидении.

— Что такое?

— Да ничего. Любуюсь вот на природу.

— Ой, Вася, я не поверил. Что слышишь?

— А ты сам послушай.

Не сразу Анджело расслышал далекий шум мотора. Впереди, в стороне от дороги, начинался большой лесной массив. Где-то там и работал мотор.

— Слышу мотор, — кивнул Анджело. — И что скажешь?

— Танк это.

— Может, транспортер? — нарочно усомнился Анджело, чтобы показать, что и он не лыком шит.

— Танк, — подтвердил Сорокин. — Фашистский танк. «Тигр». — Сорокин подумал немного. — Пошли, посмотрим, чего он там застрял. На вот, возьми гранату. Держи еще. А вертушку свою оставь в машине.

— Вася, нет! — У Анджело округлились глаза. — Нельзя оставить. Это может быть хорошая съемка. Лучший эпизод.

Они зашагали к лесу. Впереди вышагивал Сорокин, вид у него был вынужденный: на груди автомат, у пояса гранаты, две бутылки с горючей жидкостью наготове. За Сорокиным поспевала маленькая фигурка с увесистым грузом на плече, — это Анджело тащил свою кинокамеру.

— Вася, Вася, — убеждал он Сорокина. — Надо подорвать танк. Красиво подорвать.

— Ладно уж, как выйдет, — нахмурился Сорокин.

Чем дальше они забирались в лес, тем вернее обнаруживал себя танк шумом мотора. Наконец, когда рев, гул и грохот выхлопов совсем приблизились, Сорокин остановился за стволом высокой и толстой сосны и знаком подозвал к себе Анджело.

— Дальше нельзя. Гляди. Фашист-то не один.

На лесной прогалине стояли два «тигра». Один из них, видимо, тащил на буксире другой, неисправный, но по какой-то причине и сам заглож. Его мотор то заводился, то умолкал.

— Съемка отменяется, — вздохнул Анджело.

— Ну, это ты брось, — возмутился Сорокин. — Фашисты нам не указ. Я начну бой, а ты начинай съемку. Значит, так...

Они прикинули, откуда будет снимать Анджело и что должен сделать Сорокин. Потом расплзлись в разные стороны. Анджело очень быстро оказался в точке съемки. Он повернул турель на нужный объект и огляделся.

Между деревьями плыли клубы удушливой гары — это работал мотор исправного «тигра». Танк вдруг рванул с места, буксир натянулся, и по лесу прошел глухой скрежет. Поврежденный танк медленно двинулся вперед.

И тут Анджело увидел Сорокина. Он был уже совсем близко от заднего танка. Вот он замер на месте, потом кошкой прыгнул на танк, перебрался поближе к башне и бросил в люк бутылку с горючей смесью.

Из утробы танка вырвался густой черный дым. Сорокин рассчитал точно: ветер дул в сторону исправного танка, и он ослеп, его заволокло дымом. В дыму снова мелькнул Сорокин. Фашисты никак не ожидали, что неизвестно откуда взявшийся русский разведался осмелится повторить свою безумную выходку. Но и второй танк постигла та же участь.

А тяжелая камера стрекотала и стрекотала, и Анджело прицеливался языком от волнения и восторга. Таких кадров ему еще никогда не приходилось снимать.

Из танков, охваченных пламенем, выпрыгивали экипажи. Ошалелые фашисты, надрываясь кашляя, сбивали огонь с комбинезонов, катались по траве. Опомнились они, когда увидели дуло автомата. Сорокин командовал: «Встать!» — и повел их к своей полуторке.

— Вася! Сорокин! — возбужденно шептал Анджело. — Ты молодец! Ты — мой лучший эпизод! Ты герой!

— Ну, до героя — еще положим, — отрезал Сорокин. — А вот ты скажи, что мне с этими грязнулями делать? Я же за продовольствием послан. Что же мне, фашистов вместо селедок везти? Меня тогда самого съедят.

Он замолчал и приостановился.

Остановившись, размышляя. Остановившись и фашисты. Вид у них был невообразимо грязный: сажа и лохмотья.

— Вот что, Анджело, — решил, наконец, Сорокин, — бери мой автомат и веди пленных. А киноплентку я привезу.

Анджело вздохнул, принял автомат из рук Сорокина, крикнул на фашистов, и те послушно зашагали, как казалось Анджело, в наше расположение.

Лес, однако, не кончался. Он становился все гуще, и скоро Анджело понял, что они сблизил с пути. И как только он отчетливо об этом подумал, его ухо уловило осторожный хруст неподалеку в чаще. Кто-то следил за ними.

Фашисты тоже что-то почуяли. Они затрещали головами, забормотали, и один из них, видимо, решив пожертвовать собой, выпучил глаза и хрипло крикнул: «Хильфе!»

В ту же минуту коренастая фигура в обмундировании защитного цвета вынырнула возле крикуна, и сильная рука схватила его за ворот комбинезона. Фашист закричал от ужаса. Но еще громче закричал Анджело:

— Эй, что такие? Чего приваиваете пленных?

Из зарослей вынырнули еще и еще солдаты. Они замерли на секунду, а потом послышался короткий обгелеченный хохот и веселый голос:

— Анджело! Ты? Ребята, это же Анджело!

И другой, тоже веселый:

— Мы-то мечтаем, хоть бы какого завалющего «языка». А тут их целое отделение!

...Через несколько дней после освобождения Киева в части вручали награды. Сорокину был вручен орден Красной Звезды, а самому молодому бойцу, Анджело — медаль «За отвагу».

О том, как бок о бок сражались с фашистами советские и чехословацкие бойцы, скоро будет снят художественный фильм. История, которую я вам рассказал, тоже войдет в сценарий этого фильма. Она не выдуманна. Так все и было.

С. Гладкий

Рисунок И. Латинского

КАК СПАСЛИ ГОРОД

В Ленинградском Горном институте работает преподавателем Николай Иванович Руденко. Это высокий, плотного сложения человек. Он слегка прихрамывает: дает себя знать фронтное ранение.

Во время войны старшему лейтенанту Руденко пришлось выполнить необычное задание.

Дивизия только что овладела немецким городом Анклам. Город был почти полностью разрушен, потому что фашистские войска, находясь в безнадёжном положении, отказались сдаться.

На рассвете дивизии предстояло штурмовать соседний город Грейфсвальд. По данным раз-

ведки, город был сильно укреплен, и взять его штурмом было не просто.

Но в первом часу ночи в расположение дивизии явились парламентары: пожилой военный со строевой выправкой и двое штатских. Это были представитель коменданта города полковник Вурмбах, ректор местного университета и один из профессоров.

Парламентары просили пощадить старинный город. Университету недавно исполнилось пятьсот лет. В городе собралось много беженцев из других городов Германии. Какие условия поставит советское командование? Не согласится ли оно проявить гуманность к мирному населению?

— Гуманность? — переспросил командир дивизии генерал Боршев. — Хорошее слово! Вот вы его и вспомнили, когда война перекинулась на вашу территорию...

И генерал заговорил о чудовищной жестокости фашистов, об огромных жертвах, которые понес ради победы советский народ. Он говорил о тысячах разрушенных городов и сотнях тысяч сожженных деревень, о миллионах замученных и погибших голодной смертью советских людей.

Видно было, как потрясли слова генерала обоих ученых. Даже полковнику было явно не по себе. И все трое вздохнули с облегчением, когда генерал кончил так:

— Условия: немедленно прекратить боевые действия, к девяти ноль-ноль отвести войска к дороге на Анклам у южной окраины города. Там — сдача в плен.

Полковник обменялся несколькими словами со штатскими и подтвердил, что все будет в точности исполнено.

— Но я должен предупредить, — добавил

полковник, — что к нашему штабу приставлены эсэсовцы. И есть представители «вервольфа», по-русски это значит «оборотни», диверсанты. Если они узнают, что мы сдаемся, то обязательно будут мешать. И еще одно: у нас сломалась машина, мы просим помочь.

Тут и был назначен провожатым старший лейтенант Руденко. Ему было приказано, захватив с собой ночных гостей, отправиться к передовой и обеспечить безопасность парламентаров.

Сели в легковую машину. За машиной двигулся бронетранспортер с автоматчиками.

Когда до города оставался десяток километров, они увидели шедший навстречу легковой «мерседес». Все три машины остановились почти вплотную друг к другу. Руденко приказал автоматчикам окружить «мерседес», а сам подскочил к нему и рванул дверь.

Прямо на него глянуло дуло пистолета. Руденко успел заметить нарукавные повязки со свастики.

Грянул выстрел.

В то же мгновение Руденко вышиб пистолет из руки фашиста, схватил его за грудь и рванул на себя. Подбежавший сержант дал очередь по машине. Фашисты были убиты наповал, шофер ранен.

Как потом рассказал шофер, в «мерседесе» ехали эсэсовец крейслайтер Шмидт и обер-бандиты из «вервольфа». Им не удалось арестовать коменданта города, и они решили перехватить парламентаров. Не вышло и это.

В девять ноль-ноль началась сдача в плен. Длинные колонны безоружных гитлеровцев потянулись к сборным пунктам.

Город с его старинным университетом был спасен.

ПАМЯТНИК В ЧЕЗНО-МАДЗЕРЕ

Однажды в Ленинград приехала делегация бывших итальянских партизан. Один из партизанских командиров рассказал, что у него в отряде был замечательный боец, Иван Кузнецов, родом из Ленинграда. Неподалеку от деревни Чезно-Мадзере, над могилой Кузнецова, поставлен обелиск.

Вот что известно об одной из смелых операций, в которых участвовал Иван Кузнецов.

На окраине города Беллуно, в тюрьме, фашисты содержали семьдесят политических заключенных. Их решено было освободить. Операция была тщательно продумана. Подробный план тюрьмы начертил на пачке сигарет тюремный надсмотрщик, помогавший партизанам.

Наступил день операции. Восемь партизан, переодетых в фашистскую форму, двинулись по дороге к Беллуно. Один из них был итальянцем, остальные — русские. Впереди шел партизан Миша, знавший немного по-немецки. Он был одет в форму унтер-офицера, через плечо

у него висел планшет, как бы с документами схваченных партизан. Их было четверо, и они держали руки за спиной, как будто руки были связаны. На самом деле в руках у них были пистолеты.

Подшли к воротам тюрьмы. Дежурный карабинер открыл глазок в воротах, взглянул и открыл калитку.

— Как? Еще одна партия? Проходите.

Вошли внутрь тюрьмы. Иван Кузнецов, тоже в фашистской форме, спокойно осматривался, готовился действовать. Кто блокировал вход с внутренней стороны, кто вошел в здание. Остальные переступили порог комнаты регистрации заключенных. Охрана тюрьмы ничего не подозревала.

Нужно было дожидаться момента, когда охранник, отводивший партизан по одному в камеры, оказался бы в комнате регистрации, а в ротонде (караульном помещении круглой формы) был бы тот самый охранник, который на-

чертил для партизан план тюрьмы, причем в ротонде не должно было быть никого другого. Только из ротонды можно было вытащить металлический засов, которым закрывался вход в тюремные отсеки. Разводящего нужно было обезвредить в комнате регистрации: именно у него был ключ от ротонды.

Ждать разводящего пришлось четверть часа. Это были трудные минуты. Миша изо всех сил старался изображать фашиста-немца, не знающего итальянского языка. Он что-то выкрикивал по-немецки. Карабинеры в это время крутились вокруг вновь прибывших «фашистов», расспрашивая подробности пленения партизан. «Фашисты» помалкивали или недовольно ворчали, иной раз отпихивая самых назойливых карабинеров. У всех «фашистов» вид был самодовольный, даже наглый, они вели себя по-хозяйски: так нужно было для полного правдоподобия. Прекрасно действовали все, в том числе Иван Кузнецов.

«Фашисты» расхаживали по комнате регистрации, заглядывали во все ее углы. Взяв у карабинера ключ, отперли дверь. Старший запротестовал было, но на него наставили автомат и попросту вытолкнули из помещения. И снова никто ни о чем не догадался. Трудно было заподозрить, что эти высокие светловолосые «арийцы» на самом деле русские парни.

А в тюремных отсеках уже шла работа. Ох-

ханник, помогавший партизанам, раздобыл книги регистрации, и политических заключенных выводили точно по списку. В первый момент они думали, что их выводят на расстрел. Потом начинались радостные восклицания, объятия. Но тут же люди понимали трудность и опасность обстановки, подтягивались и без шума покидали камеры.

Настал момент для открытых действий. Старшему скомандовали лечь. Он удивился бесцеремонности фашистов, но выполнил команду. Кое-кто из рядовых схватился было за пистолеты, но, поняв, в чем дело, все легко сдали оружие. Политических заключенных вооружили трофейным оружием. После этого двинулись в горы.

Операция произвела огромное впечатление на всю Италию. Говорили, что тюрьму брали сотни партизан.

Трудно выделить кого-нибудь из советских парней, сражавшихся в отряде. Иван Кузнецов был таким же, как его товарищи, — смелым, надежным, неунывающим. Обучал итальянских друзей приемам стрельбы и тактики, обращению с оружием и перевязкам.

В январе 1945 года трое русских и двое итальянских партизан попали в засаду. В развалинах дома они дрались с фашистами. Иван Кузнецов был убит. Память о нем жива в Италии.

Клавдия Ивановна Шульженко,
народная артистка СССР

Фото военных лет

Поезд шел из Ленинграда в Москву. Я возвращалась домой. Только что, вечером восьмого мая, в Ленинграде, в Выборгском Дворце культуры, закончился мой концерт.

Среди старых, давно любимых песен я спела в тот вечер новую — «Приходи поскорей!» (В этом году, в честь юбилея Победы, я снова исполняю ее на эстраде). На мой взгляд, это очень хорошая песня. О матери, которая баюкает ребенка и просит своего мужа — он фронтовик, воюет сейчас: «Приходи поскорей!»

Я кончила петь.

В зале — тишина. Я стояла на сцене в полной растерянности. Изъездила за годы вой-

ны многие фронтовые дороги, выступала сотни раз, и всегда зрители отвечали мне такой сердечной теплотой. А тут молчанье...

И вдруг зал встал. Зрители — а это были почти одни мужчины, в гимнастерках, в кителях, с наградами — стали кричать «ура!» и бросать в воздух фуражки.

И я поняла: благодаря песне они как бы очутились в родном доме, с родными людьми, в желанной мирной обстановке и просто не смогли разом, как только закончилась песня, вернуться в зал.

...Я долго не могла заснуть и сразу же была разбужена: почему-то среди ночи пассажиры вдруг начали бегать по вагону, громко смеяться и поздравлять друг друга.

Это на каком-то полустанке наш поезд догнало известие: война окончилась! Победа!

ТАКОЙ ДАЛЁКИЙ ОТ ФРОНТА КРАЙ...

А. Лосев, Ю. Михайлов

«ВСТАВАЙ, СТРАНА ОГРОМНАЯ!» — пелось в первой песне суровых воинов дней. И встала вся страна — от Прибалтики, Белоруссии, Украины, принявших на себя первый удар фашистов, до Средней Азии и Дальнего Востока, куда не докатывалось эхо обстрелов и бомбежек.

Эти заметки — о людях солнечного Таджикистана, которые со всем советским народом встали на защиту Родины, о пионерах, которые свято берегут традиции ветеранов.

ВЕЧНО ЖИВОЙ

Сочинение, присланное на конкурс «Салют, Победа!» ученицей Жемжмарской средней школы Кайшадорского района Литовской ССР Реней Петрусайтите. Хранится в пионерском музее Кулябской школы-интерната.

Это был высокий, кудрявый, всегда веселый юноша, горливый своими чертами буденновскими усами. Дружелюбный

— Учитель, если попаду на фронт, вы обо мне все услышите!

Сафар шутил. А учитель верил. Верил потому, что знал: у этого сильного, но нежного мальчишки храброе сердце.

Скажите, почему утихли протяжные песни старых таджиков? Кто потушил мирные огоньки в их жилищах? Кто погасил счастье молодого поколения?

Фашизм. Он обрушился на нашу Родину, как грязный, мутный поток. Заскрежетали гусеницы танков, завывали авиабомбы, застонала земля под коваными сапогами чужеземцев.

Родина, разве ты на смерть провожала своих сыновей?

Разве их жизнь не была для тебя самым дорогим достоянием? Нет. Ты только просила: «Не оставляйте меня в беде...»

И сыновья твои взяли в руки винтовки.

Кто в кишлаке мог знать, что провожают Сафара в последний путь? Кто мог поверить, что молодая Раджабгула уже никогда не коснется его кудрей? Кто мог подумать, что виноградник лишится своего хозяина?

Боевое крещение Сафар получил в излучине Дона. Потом он громил врага в битве под Курском. Многих однополочан потерял он у Смоленска, Харькова... А великий освободительный поход продолжался.

У городка Жемжмарь наши наступающие части натолкнулись на немецкую танковую колонну. Подпустив врага как можно ближе, чтобы бить без промаха, Сафар открыл огонь. Одно за другим загорались огромные бронированные чудовища.

Погиб наводчик, ранило Сафара. Истекая кровью, отчаянный воин продолжал бой. Четыре «тигра» расстрелял он в упор. Вдруг взорвалась разорвалась снаряд. Сафар упал. Больше он не встал.

Это произошло 16 июля 1944 года.

Посмертно Сафар Амиршоев был удостоен звания Героя Советского Союза. Погибшие не возвращаются, но они навсегда остаются молодыми и живыми в сердцах других. О Сафаре Амиршоеве помнят его земляки, помнят те, с кем прошел он свой боевой путь, помнят жители городов и сел, которые освобождены солдатами из горного края.

Гости издалека — всегда желанные гости. Таджикский «салом» почти каждый год можно услышать в Жемжмарье. Дождь

ли, жара ли — все равно множество машин заполняет узкие улицы нашего городка. И каждый раз земляки Амиршоева привозят мешок с землей из сада Сафара, чтобы напомнить ему, что его все еще ждет Раджабгула, ждет виноградник, ждет весь кишлак.

Именем Сафара Амиршоева названа восьмилетняя школа в кишлаке, назван колхоз. В городе Кулябе герою воздвигнут памятник.

На кладбище нашего городка так много могил с надписью «Неизвестный солдат».

«Но нет неизвестных героев. Есть только неузнанные. Амиршоев, Малих, Дубровин... Они отдали жизнь за наше счастье.

К их могилам сегодня пришли пионеры. Они принесли букеты цветов. Свежих цветов. Ведь сегодня — 16 июля...

Рисунки А. Харшака

На этом уроке весь седьмой класс, как один человек, в сборе. Права, чтобы урок прошел именно у них, ребята добились в конкурсе «Юный патриот».

«Урок мужества» проводит председатель Кулябского областного совета ветеранов войны гвардии полковник в отставке А. М. Муродов.

— Последние дни войны. Апрель 1945 года. Наша 315-я отдельная минометная бригада — на подступах к Берлину. Наши гвардейские минометы «катюши» наводят ужас на врага. После их залпа вода закипает в реках и ночью становится светло, как днем. Ничто не может устоять перед их огнем: бетон превращается в щебенку, стальные конструкции рвутся, как паутина. Не давая гитлеровцам прийти в себя, бьем мы по аэродромам и транспортным узлам. Противник в панике откатывается на юг от Берлина. Из развалин свисают белые полотнища, целые части сдаются в плен.

Сбылось то, во что мы свято верили: дошли до логова гитлеровцев! Но путь был долгим и кровавым. Я начал его осенью 1941-го на подступах к Москве. На фронт попал молодым офицером — командиром батареи 502-го артолка. Мы держали оборону под Можайском, в полусотне километров от столицы.

Мы потеряли счет дням. Но 29 октября помнят все ветераны битвы за Москву. С утра «юнkersы» и «хейнкелы» буквально не давали нам головы подняты над землей. А потом двинулись — волна за волной — тяжелые танки. Мощная броня делала их почти неуязвимыми для наших 45-миллиметровых пушек. Приходилось ждать, когда танки разворачивались или меняли курс, чтобы прямой наводкой бить по бензобакам.

Нам не было пути назад. Мы знали: стоит дрогнуть — и в прорыв на Москву устремятся танковые колонны. Измученные бессонницей, не евшие несколь-

ко дней, мы не покидали оружий.

Я верил в своих бойцов, как в самого себя. Грузин Оспашивили, киргиз Букашев, русские Пузынов и Козлов, туркмен Ананиязов защищали не только свои дома и своих детей, но и всю страну, каждого, кто живет на бескрайних просторах Родины. В живых нас осталось после боя только семеро... Но фашисты не прошли.

Урок продолжался. Кулябские пионеры услышали рассказ ветерана о том, как зимой сорок второго года 313-й артополк в составе 62-й гвардейской армии генерала Чуйкова держал оборону в Заводском районе Сталинграда, как в сорок третьем участвовал в ночном сражении под Себежем, как в сорок четвертом выбил немцев из Кракова и Катовиц...

Эти воспоминания останутся в памяти тех, кто побывал на уроках мужества, и сохранятся навсегда в школьном музее, записанные юными историками Муродом Мадиевым и Галей Пташкиной, Талбаком Якубовым и Леной Орловой.

БОЙ ЗА ХЛОПКОВЫМ ПОЛЕМ

Файзула вздрогнул... Зеленая ракета взвилась под облака, и все пришло в движение. Отряды юнармейцев, покинув укрытия, устремились с холмов в долину. Только что связисты доставили Файзуле секретный пакет. Батальон «Неуловимые» получил боевое задание, и теперь от хладнокровия и командирского искусства его, Файзулы, зависит исход операции.

Вперед, за густыми зарослями, — огневые точки противника. Подавить их и превратить в свои опорные пункты — таков приказ. После стремительной вылазки дозора разведчиков поступает донесение от Хабиба Гафарова:

— На пути движения — арык.

— Навести переправу, — командует Файзула.

Удача: разведчики обнаружили в зарослях подходящее бревно. Стараясь остаться незамеченными, один за другим перебегает ребята по скользкому бревнышку. Все как в vraisemblable бою: автоматы наизготове. Развертываясь в цепь, батальон залегает на краю хлопкового поля.

Красная ракета — сигнал к решающей атаке. Батальон Файзулы Мирзоева уверенно штурмует намеченный рубеж. Безотказно действуют автоматы и пулеметы. Связисты поддерживают постоянную связь с передний линией.

Но вот и первые потери: «ранило» регулировщика Нурахмета Ходжаева. «Сквозная пулевая рана правого предплечья» — определяет посредник. И тут же, на поле боя, Ситорамо Кучарова в считанные секунды накладывает сложную повязку. Пострадавшего отправляют «в тыл».

Приказ выполнен! «Неуловимых» поздравляют их шефы, пограничники и секретарь райкома комсомола Кват Назимов. Он сам недавно вернулся с военной службы и потому может по достоинству оценить искусный маневр отряда и отвагу юнармейцев.

Участники «боя» собираются на большой поляне. Передышка — для всех. Но не для заместителей командиров по политической части. Юнармейцы должны получить свежий номер газеты тут же, на поле сражения. По-походному, положив планшеты на колени, пишат заметки комиссары. У Анабека Болоева работа идет особенно спорно: он удобно расположил свой «боевой листок» на спине у товарища.

А в «Боевом листке» батальона «Горные орлы» — стихотворение семиклассника Джафара Ташенова:

*В одном строю —
солдат и юнармеец.
И если вновь придет
суровый час,
Страну родную защитить
сумеем,
Мы выполним любой
ее приказ!*

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ТЕХНИКИ

Конструктор демонстрирует перед фашистским генералом новую конструкцию танка.

— У танка две скорости назад, — объясняет он, — и одна вперед.

— Ну, две скорости назад — это понятно, — сказал генерал, — а вот зачем одна вперед?

— На тот случай, — пояснил конструктор, — если русские зайдут сзади.

„Мой генерал, в стекло бинокля
Вы посмотрите: фронт далек ли?“

„Настолько близок он, увы,
Что я уже без головы!“

1944

С. Маршак
Рисунок Кукрыникова

СКУПЕЦ

В берлинский банк пришел немец:

— Я бы хотел положить на сбережение семь тысяч марок.

— Пожалуйста, — сказал кассир.

— А скажите: кто мне будет гарантировать сохранность моих денег?

— Управляющий банком, — сказал кассир.

— Ну, а если с управляющим что-либо произойдет?

— Ну, тогда фюрер.

— Ну, а если с фюрером что-либо произойдет?

— Какой вы жадный! Неужели вам будет жалко семь тысяч марок, если с фюрером что-либо произойдет? — тихо ответил кассир.

Фольксштурм в бою, — как на параде.
А это — он же, снятый сзади.

1944

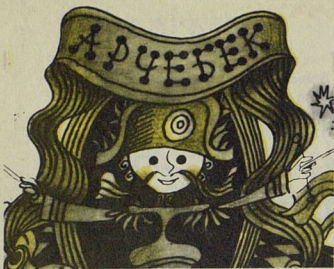
С. Маршак
Рисунок Кукрыникова

— Кто вас так обработал? Партизаны или регулярные войска?

— Партизаны! Но бьют регулярно.

Рисунок В. Гальбы

ТУРНИР - 75!

Два этюда, в которых надо доказать, что белые выигрывают — вот что ожидает шахматистов в пятом туре.

А. (Л. Чентурини) — белые: Kpg1, Lg2, Lh2; черные: Kpa1, Фа8.

Б. (Л. Митрофанов) — белые: Kpg8, пп. d6, g2; черные: Kph5, пп. a3, c7.

Два этюда ждут и шашков. В обоих — победа белых.

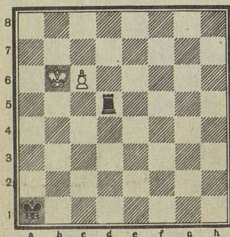
А. (Д. Калинин) — белые: с7, е7, g1; черные: d4, h2.

Б. (Г. Маркосов) — белые: b6, f2, g3; черные: e5, g5.

КОНСУЛЬТАЦИЮ ДАЕТ ГРОССМЕЙСТЕР

Многие архебековцы спрашивают, как нужно решать этюды. Об этом рассказывает международный гроссмейстер Юрий Авербах:

— Лучше всего показать это на примере, что я и сделаю. Разставте фигуры как на диаграмме. Это —

этюд. Автором его считается аббат Фернандо Сааведра, а вообще-то он — итог творчества нескольких шахматистов. Но не в том дело. Какое тут задание? Белые начинают и выигрывают. (В этюдах число ходов не ограничивается).

Приступаем к решению. Видимо, надо провести пешку в ферзи. Но как это сделать? У черных ведь ладья... Первый ход ясен — 1. с7. Если черные ответят Ld2, то 2. с8Ф и попытка 2... Lb2+ 3. Кра5 Lb2+ 4. Kpb4 Lb2+ успеха не принесет из-за 5. Крс3. Шахов больше нет, и белым выигрыш обеспечен.

Однако на 1. с7 черные могут ответить Ld6+. Ну что же, король и тут уйдет от шахов — 2. Kpb5! (конечно, не Kpb7? и не Крс5? А почему — скажите сами). 2... Ld5+ 3. Kpb4 Ld4+ 4. Kpb3 Ld3+ 5. Крс2. Теперь шах дать нельзя. Значит, следующим ходом — с8Ф и победа! На первый взгляд, так. Однако у черных приготовлен сюрприз: Ld4!!

Сначала даже непонятно, зачем такой ход. Но, подумав, видим: если теперь пойти 6. с8Ф, то — Lc4+! и о выигрыше придется забыть!

Что же получается? Мы наметили провести пешку в ферзи, для чего нашли способ увести короля от шахов, выполнили это, ставим пешку на с8 и превращаем в ферзя, а толку все равно нет! Выходит, при правильной защите черных (5... Ld4!!) белым выиграть не удастся? Не торопиться с выводами... На красивый ход 5... Ld4!! белые могут ответить не менее красиво — 6. с8Л!! Да, да — пешка превращается в ладью! Теперь черным грозит мат ходом Ла8. Поэтому они должны пойти 6... Ла4. Но тогда — 7. Kpb3! и черным остается только сдаться. Выигрыш достигнут — этюд решен!

Хочу обратить внимание рыцарей еще вот на что. Решить этюд (впрочем, как и задачу) это значит выполнить задание при лучших ходах черных, а не за счет их зевков или слабой игры.

ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

Вот где можно решать и ошибаться, не рискуя потерять турнирные очки. Заходите, архебековцы! Вам предлагает три свои задачи доблестный рыцарь Александр Гришин из села Ермоловка Ульяновской области. Во всех трех белые дают мат в два хода.

1. Белые: Kpg8, Фd1, Le1, Се5; черные: Kpe8, пп. d7, е7.

2. Белые: Кра4, Фg8, Са7, Сb3; черные: Крс3, п. h3.

3. Белые: Kph8, Фb2, Ла7, Сd6, Кb6, п. h3; черные: Kpe6, пп. е7, f6.

Сумеете вы решить задачи Саши? Ответы принимаются, в АРЧЕБЕКЕ круглосуточно, но отдельно от турнирного рапорта!

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Три прославленных архебековца — Знай, Незнай и Полузнай — нашли записку: «Помогите мне объявить самый быстрый мат! Я играю белыми. Мой ход в таком положении — белые: Kpf2, Lh7, Са8; черные: Kph2, п. h3. Помогите, это очень нужно! Валера А. из 5 «б»».

— Эх, Валера А. из пятого «б»... Не твое дело — в шахматы играть. Устроил на доске пат, от которого избавиться нельзя, а теперь «помогите!». Разве тут поможешь? — сказал (кто?)

— Это ты зря. Помочь можно! Надо пойти 1. Lb7, и будет мат в три хода. Это и есть здесь самый быстрый мат, — сказал (кто?)

— Нет, не так! Тут можно мат в два хода дать, — сказал (кто?)

Ну, доблестные оруженосцы, КТО сказал ЧТО?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 3 решаются так.

Турнир-75! Шахматы — А. 1. Ch5! Б. 1. Фd7 (угроза — Фe7X). Если теперь 1... e6, то 2. Lg1, если же 1... Le8, то 2. Фе6! Шашки. А. 1. ed2! 2. b2! 3. h4 4. f4 5. h8!X Б. 1. g3! 2. f2!! 3. c3 4. e7X.

Сыграй в силу гроссмейстера! 1. Кс6! Фe2 2. Lf7+ Kph3 3. Lh8+ Kpg5 4. Lg8+ и т. д.

Оруженосцы, шаг вперед! В первой партии черный король стоял на d6 — ему был объявлен мат. Во второй — на h1, а Знай пошел 1. Фf1X. В третьей — на a8, а своим последним ходом (Фb5?) Полузнай сделал пат.

ПРИКАЗ № 5

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Всем рыцарям отослать рапорты (на любых открытках!) до 1 июля.
§ 2. Строго исполнять мои приказы №№ 1, 2, 3.

Шахмат-адмирал Ферзьберы

СОДЕРЖАНИЕ

Монумент Победы

Боевой эффект

рассказ М. Галлая
рисунок А. Януса

Там, за поворотом...

повесть В. Мухоманова
рисунок А. Слескова

К 70-летию М. А. Шолохова

Барaban

журнал юнкоров

Домик детства

поэма А. Чепурова
рисунок Е. Галеркиной

3 Шла война народная

Боевые награды Родины

рисунок И. Шерешевской

4 Слово о фронтовом друге

очерк Я. Лапковской

7 Дневник доктора Волкова

главы из повести
Сергея Давыдова

20 рисунки Ю. Шабанова

22 Поход „Курс—Победа!“

Морская газета

26 Сколько вам лет,

старшина Каманин?

очерк Б. Машина и
В. Уфлякда

30 Так было

воспоминания

Марио-Витторио

Дердуал

рисунок Т. Ксенофонтова 55

Как спасли город

очерк С. Гладкого

рисунок И. Латинского 57

ПОСЛАНИЕ С СЕКРЕТОМ

Это письмо от ЛЕНЫ БАННОЙ из станции Приближенной Кабардино-Балкарской АССР.

Его содержание можно узнать только вписав в клетки по вертикали слова, обозначенные начальными буквами, и прочтя то, что получится в горизонтальной красной полосе.

С — Дерево. Т — Обувь. К — Часть

винтовки. Т — Вид растительности. К — Столица АССР. А — Приток Лены. М — Столица союзной республики. А — Столица балканского государства. С — Птица. Ф — Линия боевого расположения. А — Драгоценный камень. Т — Плотницкий инструмент. Д — Река на Украине. П — Столица европейского государства. Л — Город на Украине. Т — Дорожка. А — Манеж. К — Марка автомобиля. М — Город на Урале. С — Горы в Сибири.

Составил
и оформил
Вл. Уфляко

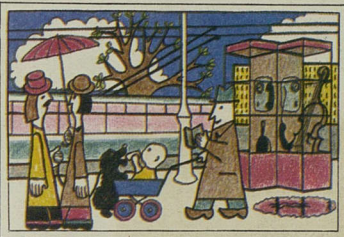
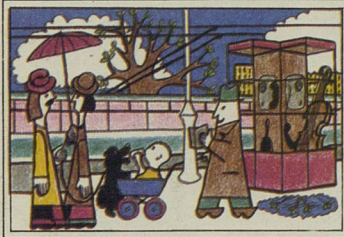

ЗАДАЧА ДЛЯ ИСКУССТВОВЕДОВ

Сиволопыч сделал рисунок с натуры и выставил его на всеобщее обозрение. Демьяша, желая доказать, что и у него имеются способности, втайне от всех сделал

с рисунка копию и повесил рядом, думая, что никто не сможет отличить оригинал от подделки.

Однако Хуссейн утверждает, что в двух рисунках можно обнаружить по крайней мере 12 различных несоответствий и по некоторым из них можно судить, где оригинал, а где подделка.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 4

1. В КОТОРОМ ЧАСУ ЗАЗВОНИЛ БУДИЛЬНИК? Сиволопыч в 1 час ночи перевел стрелки на 21 час. Сигнал стоял на 3 часах. Звонко должен был быть через (3 часа — 21 час) = 6 часов, т. е. (1 ч + 6 ч.) = 7 ч. Но Демья-

ша, когда стрелки стояли на 23 часах (т. е. в 3 ч. ночи) поставил сигнал на 8 ч. Через (8 часов — 23 часа) = 9 часов звонок зазвонил бы (3 ч. + 9 ч.) = 12 часов утра. Но в 5 часов (по стрелкам 1 час ночи) Гюно переставил сигнал на 4 ч. 4 ч. — 1 ч. = 3 ч. Будильник зазвонил в 5 часов + 3 ч. = 8 часов утра.

Такой далекий от
фронта край...

очерк А. Лосева и
Ю. Михайлова
рисунки А. Харшака

60

Уголок веселого
архивариуса

63

Рисунки к интервью
„9 мая 1945 года“

А. Януша, К. Претро, Ю. Иванова,
Ю. Казюкова, А. Орлова,
П. Кузнецова

Обложка А. Гетманского

Главный редактор

Редакционная коллегия: Т. В. З.
А. И. Пантелеев, Л. Н. Позидеев
В. В. Торосович, Н. А. Ходза, Г. Л.
Художник-редактор М. С. Белолипец

Адрес редакции: 193015, Ленинград
Рукописи и фото

М-22084. Слано в набор 4/II 1975 г.
Печ. л. 8+обл. Уч.-изд. л. 8,8.

Ленинградская фабрика офсетной печати
комитете Совета Министров СССР по
197101, Ленинград

